

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ
ТЕАТР
СОЮЗА ССР

САДКО

Н. Пущин: Копейка

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

САДКО

Опера-былина в 7 картинах

ИЗДАНИЕ ГАБТ СОЮЗА ССР

1 9 3 5

Эскизы костюмов и декораций заслуженного деятеля искусств
Ф. Ф. ФЕДОРОВСКОГО

Редактор П. П. Ремезов. Гравюры на дереве Ф. В. Смирнова и С. П. Аферова. Гравюры выполнены под наблюдением А. А. Суворова. Обложка—гравюра на дереве А. А. Суворова. Технический редактор А. М. Губер

*Сдано в набор 25/III—35 г. Подп. к печати 16/IV—35 г. Разм. бум. 62 × 94
Объем 3,5 печ. листа. Главлит № А—059. Зак. 762. Тираж 10000 экз*

Типография изд. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8

С А Д Ъ О

Иур новгородских юстей — I картина

ОПЕРА-БЫЛИНА „САДКО“ И ЕЕ МЕСТО В ТВОРЧЕСТВЕ РИМСКОГО-КОРСАКОВА

В. Цуккерман

Когда вступишь и вдуматься в сокровища народной русской поэзии, то беспрестанно жалеешь, зачем не родился поэтом, живописцем, композитором. Вот, например, песни о Садко-богатом госте Новгородском, — что за удивительный сюжет для оперы!

Нельзя вообразить себе шире и плодотворнее поля, на котором бы музыка могла сочетать свои силы со всей художественностью сценической постановки.

(Из высказываний историка Костомарова)

Опера-былина «Садко» была закончена в 1896 г. Сюжет «Садко» не был нов для Римского-Корсакова: почти за тридцать лет до того, в 1867 г., он сочинил музыкальную картину для оркестра под тем же названием.

Юношески свежее произведение это для своего времени явилось почти что откровением. Композитор Серов писал: «Эта музыка действительно переносит вас в глубь волн, — это что-то «водяное», «подводное» настолько, что никакими словами нельзя бы выразить ничего подобного. Сквозь таинственную среду морской струи вы видите, как возникают точно привидения... фигуры старого морского царя и его гостей.

Это произведение принадлежит таланту громадному в своей специальности — живописать при помощи музыки».

Музыкальная картина «Садко» — одно из первых произведений Римского-Корсакова.

Всего шесть лет прошло с тех пор, как Римский-Корсаков взялся за сочинение. Всего два года прошло со времени возвращения Римского-Корсакова из кругосветного плавания (он был морским офицером).

И если «Садко» был столь блестящей удачей начинавшего, в сущности говоря, композитора, еще даже не знавшего как следует азбуки музыкального письма, то это значит, что сюжет «Садко» был исключительно привлекателен и благодарен для Римского-Корсакова.

Начало музыкальной деятельности Римского-Корсакова тесно связано с «могучей кучкой» — этим необычайным содружеством пяти молодых композиторов, подаривших русской музыке множество прекрасных произведений.

«Могучая кучка» развернула свою творческую деятельность в шестидесятых годах

прошлого столетия, когда все здание самодержавно-помещичьего строя было потрясено крестьянскими восстаниями, бурным общественным движением в студенческой, в мелкобуржуазной среде, польским восстанием 1863 года. Так ярко выявившиеся в общественно-политической жизни того времени либеральные и наметившиеся демократические течения не могли не вызвать аналогичных явлений в области литературы и искусства.

Достаточно указать имена Некрасова, Помяловского, Слепцова, Решетникова, напомнить «обличительные» картины художника Перова.

«Могучая кучка» не отличалась полным единством взглядов даже в начале своей деятельности и четко сформулированной платформы не имела. Однако мы можем все-таки различить ее основные идейно-творческие установки.

Музыка, которую сочиняет композитор, не должна чуждаться народного творчества; напротив, композитор именно на народной песне должен основывать свои произведения.

Жизнь народной массы в настоящем и прошедшем — таков лучший и наиболее благодарный для композитора сюжет.

Приблизиться к действительной жизни должна и опера и не только по сюжету своему, но и по музыкальному языку. Довольно сладкозвучных арий итальянского пошиба, рассчитанных только на красоту голоса и виртуозные эффекты. Пение есть та же человеческая речь, только более гибкая, выразительная и художественно прекрасная.

Музыкант никогда не должен успокаиваться на пройденных этапах, на раз найденных достижениях, — он должен неустанно стремиться к новым берегам, к обогащению своего музыкального языка, к расширению и утончению его выразительности.

Таковы были идеи, с которыми Римский-Корсаков столкнулся, войдя в лоно «могучей кучки».

Римский-Корсаков с сочувствием прислушивался к мыслям Мусоргского о музыке, как выразительнице жизненной правды, с восхищением относился к первым, но уже дышавшим необычайной силой творческим опытам Бородина и преклонялся перед талантом, энергией и обаянием руководителя «кучки» — Балакирева.

Римский-Корсаков не прошел мимо того

общественного движения, которое бурлило в России шестидесятых годов. Он ни в какой мере не был близок к активной политической деятельности, но демократические, народнические идеи все же находили у него в то время известный отклик и сочувствие.

Памятник этой эпохи — первая опера Римского-Корсакова «Псковитянка». Первые на русской оперной сцене осмелились заговорить о «вольности», впервые показали молодых героев, которые пошли против царя, хоть и знали, что идут на верную гибель.

«Псковитянка» могла бы стать исходным пунктом, откуда Римский-Корсаков развернул бы серию музыкальных произведений, еще с большим блеском и силой обращаясь к общественной тематике.

Но этого не случилось.

Полоса реакции, последовавшая за разгромом народнической революции, потянула его за собой. Юношеское увлечение демократическими идеями постепенно остывало, «народничество» Мусоргского стало казаться чем-то чуждым, непонятым, даже пагубным для его творчества.

Постепенно порываются нити, связующие творчество Римского-Корсакова с реальной жизнью: композитор поворачивается спиной к ее докучным заботам и запросам.

Появляется горячий интерес к вопросам формы, мастерства, появляется твердое желание во что бы то ни стало овладеть полностью техникой музыкального письма, подчинить себе без остатка мощную и необозримую армию звуков.

Композитор — в ту пору уже автор ряда популярных произведений, профессор Петербургской консерватории — садится на ученическую скамью. Он проделывает десятки и сотни сухих, скучных упражнений и добивается своего: он становится полновластным полководцем звукового войска, способным писать самую совершенную технически музыку.

Уже в первом «Садко» обозначились склонности Римского-Корсакова к сказке, к элементу фантастическому, волшебному, к радужно-красочной, всеми цветами отливающей музыке.

Этим склонностям Римский-Корсаков отдается всецело. Он сочиняет оперу «Снегурочка», которую считает лучшей в своем оперном творчестве.

Неподдельная искренность, с какой да ны переживания героев оперы, какая-то

особенная весенняя теплота и трогательность, чудные картины расцветающей, щебечущей, тянущейся к солнцу природы и в то же время тщательная отшлифованность, отточенность каждого, самого маленького голоса — таков неоспоримый актив этой оперы.

Пассив ее — неправдоподобная, фантастическая картина выдуманного берендева царства, где достаточно лишь выполнять веления природы и ее богов, чтобы счастливо жить.

Римский-Корсаков выводит на сцену «простых людей» из народа, но не для того, чтобы показать их трудовую жизнь, их подлинные желания и помыслы: эти люди нужны композитору потому только, что его интересуют как художника их песни, игры, древние обычаи и обряды.

Проходит ряд лет. Римский-Корсаков продолжает отдаляться от лучших, радикально-демократических традиций «могучей кучки». «Предложи мне кто-нибудь в настоящее время писать «Псковитянку», я бы отказался», — говорит он.

И только с 90-х годов начинает ощущаться в творчестве Римского-Корсакова, что период увлечения холодной декоративностью, идейно бессодержательной колоритностью понемногу проходит.

В опере «Ночь перед рождеством» (1895 г.) Римский-Корсаков еще перегружает сюжет всяческой «чертовщиной и боговщиной» (выражение самого Римского-Корсакова), но все-таки в ней показана — стилизованная, разумеется, — деревенская жизнь, в ней много здорового юмора.

Мы подошли вплотную к периоду создания оперы «Садко». Композитору давно уже хотелось использовать сюжет былины для оперы: ведь в 1867 г. он взял из нее лишь один эпизод — пребывание Садка у морского царя, — да и тот осветил неполностью. Оставались картины Великого Новгорода, его быта, торговой и общественной жизни, его разнообразных обитателей, — все это могло дать богатую пищу для творческой фантазии композитора.

Крупную роль в выработке сюжета для новой оперы сыграл известный критик и историк искусства — Владимир Стасов. В свое время он был идейным вдохновителем «могучей кучки», по-боевому защищавшим ее на страницах печати. И теперь ему суждено было подтолкнуть композитора в сторону идей «могучей кучки».

Римский-Корсаков собирался ограни-

читься волшебными «водяными» страницами былины. По его первоначальному плану действие все время происходило у воды, в воде или под водой: «Земли вовсе нет или почти вовсе нет» (Стасов).

Опера должна была начинаться теперешней 2-й картиной. 1-й картины, 3-й, многого в 4-й не предполагалось. Словом, элемент реальный и массовый отсутствовал, пока в его защиту не выступил Стасов. Он, в полном согласии с заветами «могучей кучки», настаивал на широких и в демократическом плане освещенных картинах общественной жизни Новгорода.

Его основные пожелания были таковы: «Новгородское самоуправление, республиканский склад и характер, раздоры, капризы, несправедливости, но тут же великий и сильный национальный характер».

Вместе с тем Стасов всячески подбадривал Римского-Корсакова на создание шедевра большой оперы, каким, по его убеждению, должен был стать «Садко».

Нельзя и сейчас без волнения читать слова Стасова, обращенные к Римскому-Корсакову: «Вы — новгородец; былина о Садке — лучшая и значительнейшая былина новгородская». «Там все время налицо седая русская языческая древность и элемент волшебный, сказочный, фантастический. И они все, кажется, с наибольшей силой и всего глубже заложены в вашу художественную натуру. Задача громадна и великолепна. Есть и история тут, и народ, и характеры, и сцены, и что угодно... Мне все кажется, что это будет капитальнейшее ваше создание, ваша 9-я симфония».*

Римский-Корсаков сперва принял эти внушения без всякого восторга, как попытку навязать ему нечто нежелательное, чуждое. Но все же он в значительной мере уступил и переделал либретто.

Стасову не удалось сделать «Садко» в полной мере «кучкистской» оперой, но известного — и немалого — сдвига он добился.

Римский-Корсаков сочинял «Садко» главным образом в те промежутки времени, когда он был свободен от службы в Петербурге, т. е. летом на даче.

Обстановка летней цветущей природы всегда благотворно действовала на композитора. И тут он вспоминает: «Местом для сочинения часто служили для меня длинные мостки с берега до купальни в озере. Мостки шли среди тростников: с одной

* 9-я симфония Бетховена, которую многие считают высшим достижением этого композитора.

стороны виднелись наклонившиеся большие ивы сада, с другой — раскидывалось озеро. Все это как-то располагало к думам о «Садко».

Один из ближайших друзей Римского-Корсакова, В. В. Ястребцев, в своих воспоминаниях рисует картины окружавшей Римского-Корсакова природы, в которых мы без труда можем узнать пейзажи, изображенные в опере.

Вот пример: «Мы долго любовались зарницей, а также великолепным багряно-оранжевым месяцем и его зловещим огненным отражением в виде столба в озере. Кое-где вдали пробивался туман; воздух был теплый и неподвижный. Природа как бы затаила дыхание».*

Эти небольшие выдержки мы приводим, чтобы показать, что красочность «Садко» не представляет собой кабинетных измышлений жителя города, а тесно связана с живой природой, с ее проявлениями.

«Садко» вскоре по окончании был представлен в дирекцию императорской оперы. Там ее достоинства не были оценены: опера при прослушивании «провалилась» и поставлена не была.

Честь первой постановки «Садко» принадлежала частному оперному театру Москвы, которым руководил крупный промышленник и меценат Савва Мамонтов.

Постановка эта состоялась в конце 1897 г. «Садко» поставлен был еще на некоторых провинциальных сценах и лишь после этого — в казенном Мариинском театре (в начале 1901 г.).

Две основные черты сюжета «Садко» были правильно подмечены еще Стасовым: «седая языческая древность» и «элемент волшебный, сказочный».

Обе эти черты — обращение к далекому прошлому и к фантастике — свидетельствуют об отдаленности Римского-Корсакова от современной ему действительности.

Римский-Корсаков не дает полной и правдивой картины жизни «Господина Великого Новгорода». Он и не стремится к этому. Он даже производит сознательную перетасовку исторических фактов. Судя по предисловию к опере, время действия отнесено к концу X или началу XI в., но картины новгородской жизни —

цветущая торговля, богатство, обилие заморских товаров — указывают на значительно более поздний период.

Список исторических противоречий, встречающихся в опере, можно было бы умножить, но в этом нет надобности.

В рамках полусказочного и условного сюжета Римский-Корсаков, однако, открывает завесу над подлинной жизнью богатой торговой республики.

Римский-Корсаков показывает пропасть между богатым купечеством — «именитыми гостями торговыми» — и массой бедняков — «голью кабацкой». Предводителем этой «голи кабацкой» до некоторой степени оказывается сам главный герой оперы — Садко.

Римский-Корсаков показывает, как довлеет надо всем, в том числе над «волей новгородской», золото, как построены на богатстве все жизненные устои Новгорода.

Изображение пира торговых гостей (в 1-й картине) также не лишено элементов разоблачения. Выпукло отображены тупость и чванство новгородских купцов: их «вольнолюбивый дух» не признает никакого «набольшего», но Садка они презирают: он «гуслир простой, не торговый гость», «а и где же ему с нами ровней быть!»

«Садко» как опера былинно-сказочного характера имеет и плюсы и минусы.

Достоинством является стилистическая выдержанность оперы. Всюду налицо типичные приемы былинно-сказочного изложения: разного рода вставки, повторения, детальные описания, сравнения, присказки, прибаутки. Но все это неизбежно приводит к некоторой медлительности в развертывании действия, и предъявлять к «Садко» повышенные требования драматургического характера (насыщенность действием, закономерность развития, логическая необходимость тех или иных событий) нельзя.

Римский-Корсаков и не стремился сделать из былины драму. Он указывает, что «сюжет «Садко» не выставляет чисто драматических притязаний, это — семь картин сказочно-эпического характера».

Фантастическая часть «Садко» тесно связана с народным сказочным эпосом: образы морского царя, его дочерей и внучат — речек и ручейков, Волховы — все взяты из славянской мифологии.

Фантастика эта тесно связана с явлениями природы и поэтому несколько не

* Описанная здесь обстановка очень напоминает вторую картину оперы.

производит впечатления бесплотных призраков, кошмарных привидений.

Отметим еще одну характерную черту сюжета — его «авантюристичность». «Наш Садко есть русское повторение греческого странствования Одиссея», — говорил Стасов. Действительно, «Садко» — опера приключений и странствий в большей мере, чем какая бы то ни была другая русская опера.

Значение «авантюристичности» «Садко» в том, что она выдвигает на первый план предприимчивую личность с тенденциями к независимости, свободе, личность, замышлявшую и осуществлявшую смелые предприятия.

Значение «авантюристичности» и в том, что она поддерживает занимательность, придает интерес развитию действия.

Римский-Корсаков рассматривает свои оперы как произведения прежде всего музыкальные. Драматическая сторона должна, по его мнению, зависеть от музыки, а не наоборот. Вот почему особенно важно для посетителя оперного театра внимательно вслушиваться в музыку «Садко» и понимать ее смысл.

Для восприятия музыка «Садко», за исключением нескольких отдельных моментов, не создает особых трудностей. Римский-Корсаков владеет искусством, никогда не опускаясь до банальности, всегда оставаясь на высоте художественного вкуса, действовать простыми, понятными средствами.

Русская народная песня занимает в музыке «Садко» исключительно большое место. Хоры торговых гостей в 1-й картине, песни и пляски скоморохов, ряд песен и арий самого Садка, пение Любавы, сцены торжища в 4-й картине, многое в финале — все это коренится в русской народной музыке.

Народный элемент подан в музыке поразному. Песни Садка («Ой, ты, темная дубравушка» во 2-й картине, «Гой, дружина верная» в 5-й картине и ряд других) принадлежат к наиболее ярким песенным моментам оперы. В них чувствуется широта, раздолье, они достойны необычайного певца-гусяра, покоряющего все во круг искусством своим.

Но Садко выделен по музыке не только в те моменты, когда он, вдохновенно импровизируя, слагает песни; Римский-Корсаков повсюду, даже в незначительных

его репликах, подчеркивает то особенное, что отличает Садка от прочих: он надевает его мерной, торжественной музыкальной речью, напоминающей былинный сказ.

Подражая «седой русской старине», Римский-Корсаков с особенной любовью пишет музыку эпического характера — неторопливую, спокойную и мощную. Так написаны многие хоровые номера оперы. По своей необычайной оригинальности из них выделяется хор «Будет красен день в половину дня».* В другом хоре «Высота, высота поднебесная» Римский-Корсаков взял за основу примитивнейшую старинную мелодию и разработал ее до степени грандиозной, монументальной картины.

Народная песня звучит в «Садко» от начала до конца оперы. Она пробирается во все клеточки, в мельчайшие поры музыки и тем сообщает ей и величайшую доступность и высокое, полностью выдержанное единство стиля.

Но если в бытовых сценах народная песня господствует безраздельно, то в сценах фантастических ей приходится иногда отступать на задний план. «Волшебная» музыка оперы имеет множество своих, специфических приемов.

Одни из них призваны подчеркивать необычность обстановки, таинственность действующих лиц, чудеса, которые они творят.

Здесь музыка обнаруживает большую изощренность, звучит утонченно и изысканно.

Здесь в противоположность простоте бытовых сцен подбираются усложненные сочетания звуков, аккорды, здесь звучат странные, как будто из глубины морской доносящиеся тембры. Такова значительная часть музыки во 2-й и в 6-й картинах.

Другие приемы, внешне связанные с фантастикой, но по существу несколько не фантастичные, — приемы изобразительной, живописной музыки.

Римский-Корсаков щедрой рукой разрисовывает множество пейзажей, картин природы; в музыке постоянно, как в зеркале, отражаются происходящие события.

Картина спокойного и пустынного моря, берег Ильмень-озера в светлую летнюю

* Хор «Будет красен день» написан в размере «одиннадцать четвертей». Этот размер изобрел Римский-Корсаков и ввел его уже один раз в «Снегурочке» (финальный гимн), чтобы дать впечатление архаичности и большой широты дыхания.

ночь, лебеди, плывущие среди тростников, рассвет и восход солнца — таковы картины природы.

Блестящая сцена превращения рыбы в золото, пестрая и шумная новгородская толпа, неподвижно прикованный к месту корабль, погружение Садка в бездонные пучины окияна-моря, безумная пляска подводного царства, полет Садка и Волховы к Новгороду — таковы другие образцы музыкальной иллюстрации действия.

Величайшее умение пользоваться силами и красками оркестра, — вот что в особенности придает выразительность музыке «Садко». Без оркестра музыка эта теряет большую часть своего обаяния. Ведь именно на долю оркестра выпадает задача изобразить звуками все, что делается на сцене или о чем хотя бы упоминается в словах действующих лиц. Оркестр «Садко» дает насыщенную, яркую звучность, но, когда это нужно, он окрашивает музыку в матовые, приглушенные тона.

Римский-Корсаков предпочитает пользоваться чистым, характерным звуком каждого отдельного инструмента, но он умеет и мобилизовать все отряды оркестра и извлечь из них громоподобные звучания.

Как и многие другие оперы, «Садко» переплетен целой системой небольших музыкальных тем, рисующих то или иное действующее лицо или явление. Эти темы называются «лейтмотивами». Употребление лейтмотивов придает музыке особую рельефность и связывает вместе с тем разнообразные моменты оперы в одно целое.

Вступление к опере — «Окиян-море синее» — построено на бесконечном чередовании маленького волнообразно повышающегося мотива. Это вступление не имеет непосредственной связи с 1-й картиной: оно как бы предвещает общую обстановку, в которой разыграются впоследствии центральные события оперы.

Хоры торговых гостей в 1-й картине исполнены важности, самодовольства, чванства. И здесь преобладают короткие, часто и упорно повторяющиеся фразы, рисующие ограниченность и упрямство туполобой новгородской знати.

Былина о Волхе Всеславьевиче, которую поет Нежата, протяжна и величава. На помощь простой мелодии певца приходит оркестр: он позволяет слышать, как «за-

дрожала мати-сыра земля», видеть, как «рыба вся в глубину пошла», «полетела птица высоко в небеса». Перед началом и перед каждым куплетом звучат гусли, аккомпанирующие Нежате.

В пении Садка больше разнообразия. Сперва идет «речитатив» («Кабы была у меня золота казна»), т. е. декламационная по характеру музыка, где манера осанистого, степенного былинного сказа выдержана с первого звука. За речитативом — ария («Пробегали б мои бусы-корабли») мягкая, но уверенная и мужественная.

В пляске и песне скоморохов много живых, задорных выходов. Резкие звуки оркестра здесь даны в подражание скоморошью музыкальным инструментам — гудкам, сопелям, дудам и бубнам.

О музыке начала 2-й картины мы уже упоминали, как об одном из лучших музыкальных пейзажей оперы. Длинные, протяжные аккорды, странное сочетание их, дрожащие как будто от легкого ветерка звуки — все это создает настроение, вполне подготовляющее слушателей к «чудесам» 2-й картины.

Песня Садка: «Ой, ты, темная дубравушка» — великолепный образец того, как Римский-Корсаков, пользуясь отдельными элементами народных песен, умел создавать новые мелодии, несколько не уступающие подлинно народным.

Сцена «чуда чудного» (появление лебедей и превращение их в красных девиц) вся построена на зыбких, неустойчивых звучаниях; особенно красива здесь грустная мелодия, рисующая лебедей, сопровождаемая непрерывными аккордами флейт («лебединый клекот»).

«Хор красных девиц царства подводного» также призрачен и завлекателен: хор этот — только фон для пения Волховы. Морская царевна поет, словно рассыпая водяные струйки, холодные, но прозрачные и чистые. Но уже очень скоро в пении ее начинают чувствоваться нотки лиризма, теплоты (в сцене ее первого разговора с гусярем).

Песня, которую по просьбе царевны заводит Садко, — это удалая, веселая хоровадная песня («Заиграйте, мои гусельки»). В любовном дуэте нет большой страстности, не чувствуется напряжения, но зато много нежности, трогательности. Непонятной для Садка тайной звучат голоса девиц («ау!») в ответ на его вопросы: «Кто ты, красавица чудная?» В музыке здесь об-

ворожительно и загадочно звучит тема морского царства.

В рассказе о родословной царевны («Я, Волхова,—царевна прекрасная») не так даже важна мелодия, как те картинки, которые в дополнение к словам рисуются в оркестре: подводное царство, речки — сестры, моря, лазоревый терем морского царя, златоперые рыбки.

Морской царь, поднимающийся из глубины озера, охарактеризован дикой, но сильной обрывистой темой (ее играют трубы).

Заканчивающая картину музыка сияет, блестит и сверкает: то всходит красное солнышко.

Центральный момент в музыке небольшой 3-й картины — ария Любавы Буслаевны. Здесь в противовес музыке Волховы нет ничего сказочного, необыкновенного; все интонации речи Любавы бытовые, правдивые и простые. Секрет привлекательности и популярности этой арии — в той искренности, с какой музыка передает чувства верной и любящей, но несправедливо забытой супруги.

Музыка 4-й картины рисует текучую, радостную сутолоку у пристани. Диссонансом врывается в эти праздничные звуки песня калик перехожих — унылая, тягучая («Не два зверя то собиралися»).

Но зато еще веселей и бесшабашней звучит песня скоморохов «про хмеля ярого» с лихим присвистом, пристукиванием и приплясыванием.

И дальше одна за другой возвращаются хороводом все эти темы, покуда не является Садко со своим характерным былинным говором.

Когда Садко бьется о заклад и плывет на озеро, в музыке — тревога, словно предвидится несчастье. Но светлый голос царевны разрушает эти настроения; позванивает — еще очень тихо — тема золотых рыбок, затем громче, и грянула «слава» на высоких и напряженных звуках. Беспредельный восторг и преклонение звучат в этой мелодии.

Но все это затмевается новым несравненным музыкальным чудом: «рыба в неводе превращается в золотые слитки, блестящие на солнце». Здесь в оркестре такой ослепительный блеск и металлический звон, что «чудо» невольно кажется действительно совершившимся.

«Сказка» Нежаты («Как на озере, на Ильмене») напоминает его былинку из первой картины, хотя и построена на совер-

шенно новой, более певучей и широкой мелодии.

В песнях иноземных торговых гостей даны три контрастных характера, изображены три разные страны.

Твердокаменная мелодия варяга окаймляется короткими взлетами волн оркестра.

Томно-ленивая музыка индийского гостя медленно и сладко течет на фоне колыхающихся виолончелей.

Сперва как будто суровая мелодия венецианца вскоре переходит в беспечную баркароллу, в которой слышатся отзвуки танца и словно чуть доносится легкий ветерок, бегущий по воде.

О превосходном величественном мореходном гимне «Высота», заключающем 4-ю картину, мы уже говорили.

Сумрачная, наполненная предчувствиями грядущего несчастья музыка 5-й картины во многом основана на мелодии «Высоты», только что звучавшей жизне-радостно и мощно; здесь она минорна, проникнута ощущением жути и беспомощности. В этой картине — новая прощальная песня Садка («Гой, дружина верная, подначальная! По мне, добру молодцу, злая смерть пришла»). В песне этой такая же широкая напевная мелодия, как и во всех других песнях Садка, но характер ее совсем иной: томящая неизвестность, предчувствие близкой беды, может быть, смерти, слышится в ней. Выразительность песни усиливают напоминающие народное пение подголоски (их особенно много во втором куплете).

Очень интересна музыка, соединяющая 5-ю картину (поверхность моря) с 6-й (окиянская глубь). Здесь живописность музыки необычайна. Вслушиваясь, мы ясно представляем себе, как погружается Садко в пучину окияна, как смыкаются над ним волны, как проплывают золотые рыбки и чудища морские; сгущается тьма, усиливается холод; наконец, Садко достигает терема морского царя.

Величальная песня («Синее море грозно, широко») — первый значительный номер 6-й картины. В песне каждый куплет имеет две части: певучий широкий запев и удалой блестящий припев — славление.

«Шествие чуд морских» — опять живописно-изобразительный номер; он изображает, как церемонно и чинно шествуют в воде обитатели морского царства; оркестр при всей своей красочности звучит здесь приглушенно. Да и вообще в музыкальной характеристике подводного цар-

ства Римский-Корсаков избегает полнозвучных светлых тонов, в противовес характеристике Новгорода, где он их не жалеет.

В плясках подводного царства центральным моментом является общая пляска: ведь она решает судьбу подводного царства.

Садко наигрывает на гуслях короткий и примитивный мотив, без конца повторяя его. С этим плясовым наигрышем чередуется то тема славления (из величальной песни), то неясная мелодия царевны, то неуклюжий притопывающий мотив морского царя. Но с каждым возвращением плясового наигрыша он звучит живее, порывистее, он привлекает в пляс одного за другим всех обитателей окиян-моря и даже самую морскую стихию.

Очертания плавной плясовой мелодии давно уже утеряны: музыка бушует, как морской ураган, пока не наступает катастрофа.

В музыке «старчища — могуч-богатыря» ясно чувствуется церковный характер.

Последнее возвращение к фантастической музыке уже окрашено в трагические тона: царство подводное гибнет.

Вступление к 7-й картине показывает, как могут по-разному звучать в музыке одни и те же мелодии: здесь в основном та же музыка, что в спокойном, сдержанном дуэте 2-й картины; но энергичное движение, рисующее быстрый полет Волховы и Садка и непрерывно вздымающиеся волны, делает то, что на этот раз любовные мелодии Садка и царевны приобретают страстный, патетический характер.

Колыбельная Волховы и музыка ее прощания со спящим Садком — кульминационный пункт ее образа. Холодной колоратурности здесь и в помине нет: грустная, трогательная мелодия колыбельной, напряженно скорбная лирика ее последних фраз не могут оставить слушателя равнодушным.

Совсем по-иному — обрядовыми, однообразно ноющими причитаниями звучит голос Любавы Буслаевны. Дуэт ее с Садком — не из числа лучших номеров оперы: в нем нехватает пафоса, под'ема.

В финале тема окиян-моря синего, пачинавшая оперу, теперь в торжественных аккордах заканчивает ее.

О МУЗЫКАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ „САДКО“

А.Л. Мелик-Пашаев

Полонили сердце мне
Песни чудные твои.

(Из дуэта Волховы и Садка)

Былина о Садке-«богатом госте» привлекала внимание Римского-Корсакова еще в первые годы его творческой деятельности. Как известно, почти за тридцать лет до сочинения оперы им была написана в 1867 г. на тот же сюжет симфоническая поэма. Сюжет «Садко» был передан Римскому-Корсакову Мусоргским, который первоначально имел его в виду в своих музыкальных планах, но впоследствии отказался от намерения использовать его (Мусоргскому сюжет «Садко» был рекомендован Стасовым).

Основные моменты, нашедшие музыкальное выражение в поэме, были следующие:

- а) Вступление — картина спокойно волнующегося моря.
- б) Погружение Садка в море и заполонение его морским царем.
- в) Пир у морского царя.
- г) Плясовая.
- д) Заключительная часть, аналогичная вступлению.

Сочинив симфоническую поэму, Римский-Корсаков впоследствии неоднократно возвращался к мысли о более тщательном и подробном использовании сюжета былины, чему немало способствовали известный музыкальный критик и публицист Финдейзен и особенно В. В. Стасов, настаивавшие на использовании былины о Садке в опере.

Первоначальный план оперы, разработанный Римским-Корсаковым в период ярко выраженного тяготения его к различного рода «чудесам» и «волшебствам» в сюжетах (фантастика сюжета предопределяла богатый музыкальный материал, наиболее соответствовавший характеру его дарования), был исключительно фантастическим, почти без реальных, бытовых сцен. Стасов подверг этот план резкой критике и предложил свой план, настаивая на необходимости включения народных сцен из жизни древнего Новгорода и его чванливых, своевольных, себялюбивых «торговых гостей». В частности, мысль начать

оперу с картины удалого, разгульного пира новгородских купцов принадлежит Стасову.

Римский-Корсаков, первоначально сухо и недоброжелательно отнесшийся к предложениям Стасова, впоследствии объединил оба сценария, вероятно, почувствовав, что односторонняя разработка сюжета, несомненно, ухудшила бы восприятие спектакля в целом с точки зрения его сценичности. Таким образом возникли 1-я картина и многие эпизоды в 4-й картине и в финале оперы.

К сочинению «Садко» Римский-Корсаков приступил в мае 1895 г., и в течение лета все произведение, за исключением 3-й картины, первоначально не предполагавшейся, было вчерне закончено. Приблизительно к этому времени относится сближение композитора с В. И. Бельским, образованнейшим человеком и большим поклонником таланта Римского-Корсакова, впоследствии либреттистом ряда его опер («Салтана», «Китежа» и «Петушка»).

При частых повторных обсуждениях плана «Садко» возник вопрос о введении в оперу образа жены Садка, верной и любящей Любавы. Появившаяся у композитора «безотчетная тоска по тональности f-moll», отсутствовавшей в опере, повлияла на положительное разрешение этого вопроса, в результате чего и была написана ария Любавы, а затем досочинены вся 3-я картина и две сцены появления Любавы в 4-й и 7-й картинах.

В соответствии с разработкой сюжета музыкальный язык «Садко» характеризуется двумя основными линиями: фантастически-волшебной и реально-бытовой. К первой относятся вся партия Волховы, многое во 2-й картине (Ильмень-озеро), частично 4-я («рыбки», «золото», песнь индийского гостя), 6-я картина (подводное царство). Ко второй относятся все остальное. Насколько рафинирована и изощрена с точки зрения гармонической, фактурной и оркестровой первая линия, настолько сравнительно проста, при радостном мироощущении и мажорных звучаниях, вторая. Из каких же элементов складываются эти основные линии?

Постоянное тяготение Римского-Корсакова к волшебным и фантастическим сценам (составляющим, по моему мнению, наиболее сильную сторону его дарования), особенно в средний период его творчества

(«Ночь на горе Триглаве» из «Млады», игра звезд, полет ухватов, помела и пр. из «Ночи перед рождеством», соответствующие сцены «Садко»), объясняется, во-первых, чрезвычайно яркими и красочными материалами, имевшимися в творческом арсенале Римского-Корсакова, как-то: виртуозность модуляционного развития, изысканность гармоний при загадочной завуалированности их звучания, безошибочный и безупречный оркестровый наряд, всегда с предельной изобразительностью рисующий данный музыкальный пейзаж, и, во-вторых, горячей любовью композитора к самой природе и ее явлениям. Отсюда с полной закономерностью вытекают «душистая ночка», «камышевый шелест», «белые лебеди», «всколыхнувшееся Ильмень-озеро» и прочие элементы фантастической стороны «Садко».

Чередование спускающихся в сложных и причудливых гармонических соотношениях аккордов навстречу таинственно поднимающемуся басу в картине Ильмень-озера (в дальнейшем этот ход видоизменяется и учащается, изображая шум качающихся тростников); поэтическая и мечтательная тема лебедей на колыбании деревянных духовых; прятные гармонии превращения лебедей в дочерей морского царя; первоначально холодные и прозрачные, как струя, вокализы Волховы и постепенное «утепление» * ее образа через мягкий лирический дуэт с Садком к чудесной колыбельной и сцене прощания в последней картине (эти страницы Римский-Корсаков считает лучшими из своей музыки фантастического содержания); сверкающий ослепительными каскадами звуков оркестр в сцене превращения рыбок в слитки золота; долго протянутый аккорд на увеличенном трезвучии, с полнотой и массивной мягкостью передающий замкнутость и статичность подводного царства; пляски рек, ручейков, рыбок и всего морского населения; проникновенный драматический хор отпевания уходящего в «глубь-глубокую» царства славного; наконец, мощная трансформация любовного дуэта Садка и Волховы во 2-й картине в стремительно несущийся свадебный поезд с ликующими тромбонами главной темы в вступлении к последней картине, — вот наиболее яркие моменты фантастической части оперы, запечатленные искусной рукой гениального мастера.

* См. Игорь Глебов «Симфонические этюды».

В музыке реально-бытовых сцен Римский-Корсаков отчасти пользуется народными песнями, а также широко использует приемы стилизации (былинный речитатив Садка или сказка Нежаты в 4-й картине).

Заканчивая краткий обзор материалов, на которых строилась музыка «Садко», нельзя не упомянуть о знаменитых песнях «торговых гостей» — варяжского, индийского и веденецкого, которые (особенно две последние) стали излюбленными номерами концертной и симфонической эстрады и своей доступностью в лучшем смысле слова завоевали широкую популярность у массового слушателя.

Памятуя мысль В. И. Сук о том, что дирижеру в исполнении произведения надлежит быть благожелательным истолкователем намерений композитора, а не его критиком, я трактую «Садко» в плане наибольшего приближения к замыслам композитора. В частности, мною убраны многочисленные ферматы и задержания в партиях Любавы и Садка и различные *portamento* (перенос звука), как нарушающие музыкальный стиль произведения и придающие ему черты либо вовсе неуместного «итальянизма», либо псевдо-русского романса во вкусе композиторов доглинкинского периода. В музыкальной трактовке Волховы как образа фантастического, мятущегося и неустановившегося, наоборот, весьма уместны нервные колыхания темпа и частые «*rubato*» для придания этому образу большей эмоциональности, что особенно ясно заметно в ее рассказе: «Я, Волхова, — царица прекрасная» и дальше: «Закинешь сеть, поймашь их».

Самым разнообразным и в музыкальном отношении наиболее богато иллюстрированным является, конечно, образ самого Садка. Значительно измененный автором в лучшую сторону по сравнению с былинной, где он обрисован расчетливым и хвастливым человеком, стремящимся к личному обогащению, Садко в опере смягчен и идеализирован. Пламенный оратор-обличитель, искусный певец-импровизатор, пленяющий сердце Волховы и самого морского царя, нежный любовник, великодушный «благодетель», возвращающий лавки с красным товаром проигравшим их и обедневшим настоятелям, — весь этот материал с глубокой выразительностью передан музыкой и представляет богатейшие возможности для исполнителя. В смысле модификации темпов я стремился к возможно большему их слиянию, к развитию одного из другого, что, несомненно, служит к большей спаянности сочинения, большей связности отдельных его элементов. Это предусматривается и пожеланиями самого автора, что ясно видно из метрономических указаний скорости темпов.

В заключение несколько слов об общем значении «Садко». Сюжет, заимствованный из русского народного эпоса, — полубылина-полусказка; широкое использование народных песен и попевок; блестящий оркестровый и гармонический наряд фантастических сцен, а главное — бодрое настроение народных сцен и общее жизне-радостное, мажорное звучание оперы, — эти качества заслуженно ставят «Садко» в первые ряды опер среди произведений Римского-Корсакова и всего русского классического музыкально-оперного наследия.

К ПОСТАНОВКЕ ОПЕРЫ „САДКО“ НА СЦЕНЕ ГАБТ СОЮЗА С С Р

В. Лосский

Мы живем в стране великой стройки, в стране грандиозных масштабов, колоссальных размахов, гигантских созиданий во всех областях. В этой насыщенной озоном творческой энергии атмосфере мы дышим и творим. Она нас заражает: в своей области, в области театра, мы хотим тоже колоссальных размахов, монументальных масштабов, громадных сценических композиций.

Стране гигантов нужен и театр-гигант.

Таковым в настоящее время может быть только Большой театр. Только он имеет к тому все данные, средства и возможности, — именно в этом его сущность, его физиономия, его отличие от всех других театров.

Большой театр — театр-гигант, театр гигантских постановок, гигантских сценических звучаний и эмоций; театр, идущий в этом отношении в ногу с масштабами нашей действительности.

Как режиссер-постановщик я именно так рассматриваю Большой театр — его

путь, его задачи и устремления. В правильности такого взгляда я твердо и непоколебимо убежден.

С такой предпосылкой, с таким убеждением я подхожу и к разрешению постановки оперы «Садко». Я счастлив, что, давая задания по композиции оформления сцены и строя схематический макет этого оформления, я не должен себя урезать, ибо мы работаем в стране, где, как нигде в мире, нет пределов для материального осуществления творческих замыслов художника.

Опера «Садко» представляет собой материал, в высокой степени соответствующий стилю театра-гиганта: постановщик и художник имеют все основания к тому, чтобы развернуть постановку до грандиозных масштабов, на сцене еще, быть может, невиданных.

Три главные, основные взаимодействующие лица оперы-былины грандиозны: грандиозен сказочно-исторический Новгород Великий, этот чуть ли не мировой

Ильмень-озеро. Дубравушка — II картина

торговый порт Древней Руси, этот древнерусский Карфаген; грандиозна водяная стихия — окиян-море синее с его сонмищами «чуд морских», могучей пляской потрясающих моря и земли; грандиозен и сам Садко в своих замыслах, идеях, устремлениях и достижениях.

Новгород Великий был, как уже сказано, чуть ли не мировым торговым центром. Благодаря водным путям новгородцы по Днепру доходили до Византии, до Царьграда; по реке Волхову они проникали в Балтийское море, по Волге — в Каспийское море, по Каме — в Сибирь.

Имеются исторические данные о том, что первоначально Новгород был колонией Киева. Отдельные группы энергичных и предприимчивых людей пошли искать по свету, где лучше жить, дошли до Ильмень-озера и там осели. Климат и почва оказались плохими, но для торговли, благодаря водным путям, условия были чрезвычайно благоприятны.

Потомкам энергичных колонистов торговля принесла богатство. Образовалась торговая «аристократия», появился класс купцов. Эти купцы стали организаторами военно-торговых дружин из людей неимущих, из «голи кабацкой», ходили с ними за море на поиски новых рынков сбыта, обучали их военному делу. Из них и Садко набирает себе дружину.

Вскоре сказалось, однако, тлетворное влияние богатства, появилась чрезмерная роскошь, начался упадок, и в конце концов Новгород потерял свое значение и подпал под власть Москвы.

Фантастическим элементом в опере являются водная стихия, которую олицетворяет целый ряд «чуд морских», Волхова-царевна морская, морской царь и т. п.

Для жизни Новгорода водная стихия была чем-то самым главным, самым существенным, без чего не мог существовать и самый Великий Новгород как торговый центр.

И потому новгородцы опозитизировали именно эту стихию, а композитор уделил ей очень много изумительной музыки.

Былины о Садке дошли до нас в различных вариантах. Наша опера есть как бы еще один вариант самого автора, Римского-Корсакова, который значительно отличается от подлинной былины.

Разница между былиной и оперным либретто заключается в том, что у Римского-Корсакова Новгород Великий не имеет большой реки, не имеет выхода к морю и

получает его, как результат подвигов Садка, только в конце оперы, когда царевна превращается в реку Волхов. Кроме того образ самого Садка совершенно иной, чем в былине.

Из истории, из новгородских летописей мы знаем, что жил в Новгороде Великом Садко-богатый «торговый гость», который построил церковь Бориса и Глеба в 1167 году.

Этот исторический Садко удостоился попасть в былинку, повидимому, потому, что сначала был бедняком и как-то совсем внезапно стал самым богатым купцом в Новгороде.

Очевидно, это был одаренный человек в смысле торговой смекалки, и какие-то очень выгодные торговые комбинации быстро сделали его богачом. Новгородцы, как «люди торговые», не могли себе представить, чтобы можно было так скоропалительно разбогатеть без вмешательства «чудесных» сил. Поэтому и создавалась легенда-былина. В ней Садко — тип богатыря-купца, который совершает подвиги только для того, чтобы добыть себе золото. Это — человек без роду, без племени, неграмотный, очень скромный, чрезвычайно практичный, стремящийся лишь к личному обогащению.

Садко Римского-Корсакова — богатырь-певец, отнюдь не былинный «богатырь-купец»; для него золото — не цель, а средство; он — поэт, он — счастливый мечтатель, все мечты которого сбываются; своим искусством, своей творческой энергией и волей Садко подчиняет себе стихии и силы природы, заставляет их, побежденных, служить человеку. Своему Новгороду, — не себе, а своей стране, — богатырь-певец добывает славу, богатство и самое насущное — «большую реку глубокую», которая «прокладывает путь к синю морю, в далекие края».

Грандиозность постановки ни в какой мере не должна и не может умалять первенствующее значение на сцене актера: живой человек — артист-солист и хорошая масса, которую я рассматриваю как некое многоликое, но единое действующее лицо, неизбежно являются тем главным элементом сценического воздействия на зрителя и на слушателя, который не может быть принесен в жертву чисто постановочным устремлениям режиссера и художника.

Но и постановочные возможности театра-гиганта не могут быть сужены, урезаны и принесены в жертву актеру. Целый ряд применяемых нами режиссерских, дирижерских и актерских приемов, принципов и навыков ведет к установлению равновесия и гармонии между тем и другим.

Мы ставим «Садко» Римского-Корсакова, мы сохраняем в полной неприкосновенности его музыку и его текст*: Большой театр академичен в лучшем, прямом и положительном значении этого слова, и иначе подходить к значительнейшему произведению крупнейшего классика без особых причин он, конечно, не может. Меня нимало не убеждают те, хотя бы и талантливые, постановки и постановщики, кото-

* Принятые в нашей постановке купюры установлены были самим композитором при первой постановке «Садко» на сцене Большого театра в 1906 г. Это подтверждает главный хормейстер Большого театра народный артист У. И. Авранек.

рые переделывают тексты и либретто, а подчас и музыку достойных всяческого уважения авторов. По этому пути мы не пойдем. Мы хотим быть убедительными, оставляя автора в неприкосновенности.

Само собой разумеется, что все наши постановочные планы исходят прежде всего от музыки: мы осуществляем на сцене ту «программу», которую дает нам музыка, полагая, что опера есть полное сочетание, полное слияние музыки и сцены в одно гармоническое целое, части которого абсолютно равнозначащи, равноценны, равноправны.

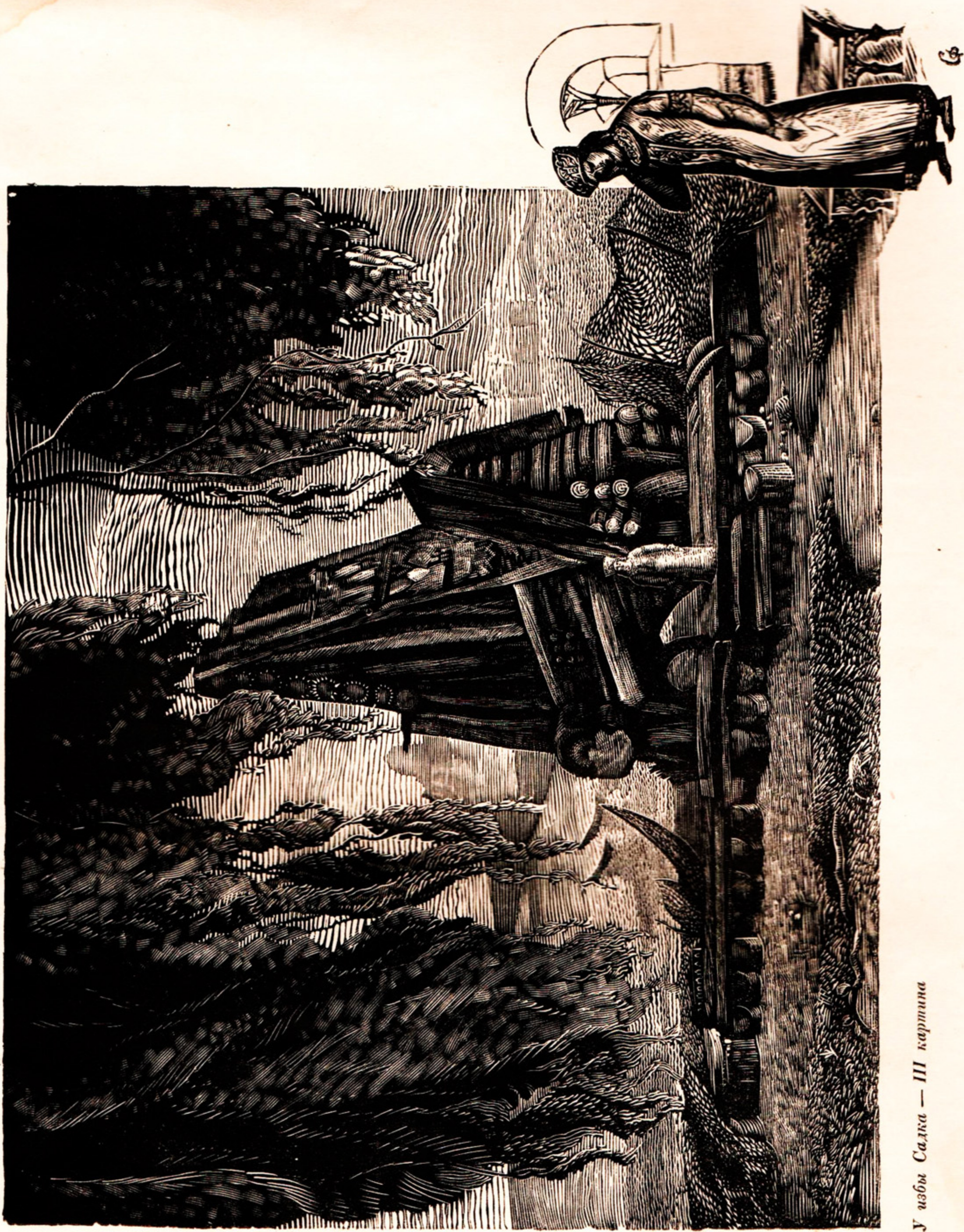
Вот вкратце те мысли, принципы и соображения, которыми мы руководствовались при постановке оперы «Садко», долженствующей явиться крупнейшим шагом театра-гиганта по пути его художественного роста как театра грандиозных постановок, отнюдь не умаляющих значения актера, автора и его музыки.

САДКО

Опера – былина в семи картинах

ЛИБРЕТТО

У избы Садка — III картина

Варяжские гости

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В богатых хоромы братчины* в Новгороде. Пированьице — почестен пир новгородски торговых гостей. Все сидят за столами дубовыми, накрытыми скатертями браными и уставленными яствами и напитками. Челядь обносит гостей вином и брагой. В стороне на муравленой печи Дуда, Сопель и несколько скоморошин удалых. Среди гостей оба настоятеля:** Фома Назарьич и Лука Зиновьич.

ГОСТИ ТОРГОВЫЕ

Собрались мы, гости торговые,
Всею братчиной нашей веселою.
А идет здесь у нас столованьице,
А идет пированье — почестен пир.
Обнесите зеленым вином,
Зеленым вином заморским!
Наедайтесь, люди, досыта,
Напивайтесь, гости, допьяна!
Лейте браги до краев ковши,
Пейте меду полные стопы!
Обнесите яством сахарным.
В Новгороде великом
У нас всяк себе сам больший-набольший!

*Входит Нежата, молодой гуслар
из Киева-города.*

2-й НАСТОЯТЕЛЬ

Гой же, ты, молодой гуслар,
Ты запой, заиграй нам про старое.

* Братчина — сообщество, содружество в складчину.

** Настоятели — выборные посадники,

1-й НАСТОЯТЕЛЬ.

Расскажи, певец, про бывалое.

ГОСТИ

Струнку к струночке ты натягивай,
На старинный лад ты налаживай,
Про дела нам спой богатырские.

НЕЖАТА

*(играет на гусях и поет былинну
о Волхе Всеславьевиче)*

Просветя светел месяц на небе,
Родился могуч богатырь во Киеве,
Молодой Волх Всеславьевич
От княжны Марфы Всеславьевны
Да от змея Тугарина лютого.
Задрожала мати-сыра земля,
Сотряслося царство Индийское,
А и сине море всколебалося
От того рожденья богатырского.
А и будет Волх в полтора часа.*

* Когда минуло Волху полтора часа.

Брал во правую руку палицу,
Тяжку палицу свинцовую, —
А и весом та палица в триста пуд.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Набирал он дружину хоробрую,
А и тут же с ней во поход пошел
Ко Индийскому царству славному;
Воевал, покорял царство славное,
А и сам втапору в нем царем насел.

ГОСТИ

А и слава ж тебе, молодой гусяр!
Будет красен день в половину дня,*
Будет пир у нас во полу-пире,
А и некому спеть про Новгород.
Али не на чем нам похвастаться?
Аль лишь встарь люди жили весело?

ОДНИ ИЗ ГОСТЕЙ

Хороши у нас кони добрые,
Кони добрые неиз'езжены!

ДРУГИЕ

Что конями вы похваляетесь?
Выходите-ка на кулачный бой, —
Кто померится с нами силою?

ТРЕТЬИ

Много есть у нас золотой казны,
А и платья цветна, богатого!

ЧЕТВЕРТЫЕ

Без жены нельзя прожить молодцу, —
У кого из вас есть молодухи
И лицом красны и приветливы?

*Входит Садко, поклон ведя по-уче-
ному. В руках у него гусельки яров-
чаты. ***

САДКО

Поклон вам, гости именитые!
Благословите старину сказать
Аль песню спеть удалую.

ГОСТИ

Спой про славу ты нам Новгорода,
Про цветное платье, коней добрых,
Про удачу, силу молодецкую,
Про бессчетну нашу золоту казну,
И про жен про наших, белых лебедей!

САДКО

Гой вы, гости торговые,
А и гости именитые!
Каждый хвалится по особому:
Один хвастает золотой казной,
Другой хвастает конем добрым,
Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает старым батюшкой.
Нечем, молодцу, мне похвастаться,
Разве гусельками да песнями,
Что достались мне от батюшки,
От Сур Волжанина родимого.
Кабы была у меня золотая казна,
Кабы была дружинushка хоробрая, —
Я не сидел бы сиднем в Новгороде,

* Красен день в половину дня — полдень.

** Из дерева явора.

Не стал бы жить по старине, по пошлине,
Не пировал бы день и ночь, не бражничал.
А на злату казну свою повыкупил
Я б все товары ваши новгородские,
Я снарядил бы тридцать и один корабль,
Товары красные я б понагруживал.
Уж коли не дал нам господь большой реки
Да заказал путь на море Варяжское,
Поплыл я б по Ильмень-озеру,
Проволок корабли я бы волоком
И прошел по великим рекам
Я б ко синему морю далекому.

(Ударяет по струнам)

Пробежали б мои бусы-корабли,*
Об'езжали б моря, моря синие.
Погулял бы в странах я неслыханных,
Насмотрелся б чудес я невиданных.
Накупил бы я там скатна жемчуга,
Самоцветных камней, дорогой камки,**
На бессчетну казну в Новгороде
Понастроил бы я церквей божиих.
Я б повызолотил кресты, маковицы чистым золотом;
Усадил бы иконы я жемчугом да камнями,
Дорогими бы все, самоцветными.
По далеким морям, по раздолью земли
Пронеслася бы слава Новгорода!
А и вы бы тогда, гости знатные,
За то во пояс мне поклонилися.

ОДНИ ИЗ ГОСТЕЙ

Гой ты, Сад-Садко, добрый молодец,
Полюбилась нам речь удалая!

ДРУГИЕ

Гой ты, Сад-Садко, гой, гостинный сын!
Ты гусяр простой, не торговый гость,
И безумна похвальба твоя.

ПЕРВЫЕ

А коль прав Садко?
А коль прав гусяр?

ВТОРЫЕ

Не хотим Садка!
Гой, долой его!

2-й НАСТОЯТЕЛЬ

Аль не слышали? Обозвал Садко
Всех нас сиднями да безумными.

1-й НАСТОЯТЕЛЬ

Аль не видите, гости знатные?
Хочет власть он взять над Новгородом!

ОБА

Зелен нас учить, молод нас корить!

ГОСТИ

А и где ж тебе нас учить, корить,
А и где ж тебе с нами ровней быть,
А и где ж тебе силу-власть забрать?
Живет Новгород по-старинному:
Золотою казной да волею.

2-й НАСТОЯТЕЛЬ

Уж не в первый раз говорит Садко
Таковы слова, речи дерзкие.

* Бусый—темногубой, цвета морской воды.

** Камка—шелковая ткань.

Мы прослышали, что уж третий день
По чужим Садко ходит братчинам.

1-й НАСТОЯТЕЛЬ

По торговым площадям кричит
Да по пристаням, похваляючись,
Ведет речи те он негожие,
Голь кабацкую сомущаючи.

ГОСТИ

А и где ж ему нас учить, корить,
А и где ж ему с нами ровней быть,
А и где ж ему силу-власть забрать?
Живет Новгород по-старинному:
Золотою казной да волею.
Не хотим Садка! Гой, долой его!

САДКО

По старине живите, гости знатные,
Вином да яствами вы утешайтесь,
Казной да женами вы похваляйтесь!
От вас уйду я, гости именитые,
Да унесу и гусельки яровчаты
И песни звонкие мои, удалые.
Отныне стану Ильмень-озеру
Да речкам светлым песни складывать
Да заповедны думы сказывать.

(Уходит)

ГОСТИ

Обносите зеленым вином,
Зеленым вином заморским!
Гостю званому у нас место есть,
А незваному гостю места нет.
Зелен нас учить, молод властвовать!
У нас всяк себе сам больший-набольший.

1-й НАСТОЯТЕЛЬ.

Ой, вы, скоморошины удалые!
Вы слезайте с печки из-за печки.

2-й НАСТОЯТЕЛЬ

Начинайте пляску вы веселую,
Заводите песенку потешную!

ГОСТИ

Лейте браги до краев ковши,
Пейте меду полные стопы.

*Дуда, Сопель и несколько скоморо-
шин удалых выбегают и пляшут,
играют на дудах, сопелях, гудках и
бубнах.*

ДУДА

В Новгороде Великом
Жил был дурень,
Жил был бабин.*
Знал он, дурень,
Знал он, бабин,

* Бабин сын—«маменькин сынок».

Во гусли играти.
Надоскучило, знать, дурню
По пирам ходити;
Вздумал дурень,
Вздумал бабин,
Вздумал торговати.
Похвалиться начал дурень
Все товары выкупати —
Худые да добрые.
А в мошне у дурня нету
Ни единой денежки,
Ни малой полушечки.
Осерчал за это дурень:
Стал гостей он именитых
Корити, бранити,
Разуму учити.

СОПЕЛЬ

Ох! Ох!
Вот так дурень!
Вот так бабин!

ДУДА, СОПЕЛЬ И СКОМОРОШИНЫ УДАЛЫЕ

Ой дуди-дуди, дуда,
Гудок, гусли, да сопели!
Скоморохи удалые
Свои песенки запели.

СОПЕЛЬ

Насмеялись над ним гости,
Дурня с братчины прогнали;
Перестали дурня звати
Во гусли играти,
Перестали его, дурня,
Поити, кормити!
Будет дурень, будет бабин,
Будет голодати.
Не пойти ли тебе, дурню,
К Ильмень-озеру сидети,
В омуты глядети,
Рыбам песни пети?
Аль не лучше тебе, дурню,
Рыбку золотую
Ловити начати,
Деньги добывати:
За худу ракушечку
Малую полушечку...

ДУДА

Вот так дурень!
Вот так бабин!
За худу ракушечку
Малую полушечку.

ДУДА, СОПЕЛЬ И СКОМОРОШИНЫ УДАЛЫЕ

Ой дуди-дуди, дуда...

Общая оживленная пляска скоморохов.

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ

Обносите зеленым вином,
Зеленым вином заморским,
Обносите яством сахарным!
В Новгороде Великом
У нас всяк себе сам больший-набольший.

Океан-море — V картина

КАРТИНА ВТОРАЯ

Берег Ильмень-озера; на берегу бел-горюч камень. Светлая лунная ночь. Рогатый месяц на ущербе. Садко садится на камень; в руках у него гусли.

САДКО

Ой, ты, темная дубравушка!
Расступись, дай мне дороженьку:
Сквозь туман — слезу горючую
Я не вижу света белого.
Всколыхнись ты, трость-дерево,
Разбуди-ка Ильмень-озеро!
Людам стали уж ненадобны
Мои гусельки яровчаты.
Слушай ты, волна зыбучая,
Ты, раздольице широкое,
Про мою ли участь горькую
Да про думушку заветную.

Налетает легкий ветерок, тростники качаются и шумят.

САДКО

Аль и вправду Садка вы услышали?
Всколебались волны синие,
Зашумело трость-дерево *
И плывет стадо лебедей.

По озеру плывет стадо лебедей. Лебеди оборачиваются красными девицами; среди них Волхова-морская царица прекрасная с сестрами.

САДКО

Чудо чудное, диво дивное:
То не лебеди белые,
А красавицы чудные!

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Выходите вы из синя озера,
Выходите вы на зелены луга,
Выходите вы, сестры вешние!
Умывайтесь росами медвяными,
Дочери царские, сестры вешние!
Одевайтесь в темны облаки,
Убирайтесь частыми звездами,
Украшайтесь светлым месяцем.
Прогуляйте всю ночь напролет
От вечерней зари и до утренней.

САДКО (царице)

Чудо же чудное,
А и диво же дивное!
Кто же ты, девица,
А и кто твои сестры купавые? **

МОРСКАЯ ЦАРИЦА

Долетела песня твоя
До глубокого дна Ильмень-озера.
Сестры мои позаслушались,
Пусть их всех позаслушалась я, —
Позаслушалась, пригорюнилась.
Вот и вышла-повышла я с сестрами
На зелен луг да на крут бережок.
Ах, разгони же тоску ты кручинушку,

* Трость-дерево — тростник, камыш.

** Купавый — часто купающийся, чистый, прекрасный.

Песню веселую спой,
Наигрыш ты заиграй переборчатый, —
Сестры круги заведут.

САДКО

Рад послужить тебе, девица чудная,
Звонкую песню пропеть.

Садко играет наигрыш и запекает хороводную песню. Дочери царя морского водят круги, а морская царица садится около него и плетет ему венок.

САДКО

Заиграйте, мои гусельки,
Заиграйте, струны звончаты!
Как под часты переборы мои
Расплясались лебедушки.
Лели-лели, лебеди,
Лели-лели, белые!
Краше всех их одна девица,
Лучше всех одна лебедушка:
Собирает малы цветики,
Молодильнички душистые. *
Лели-лели, цветики,
Лели-лели, белые!
Для мила дружка венок плетет
Душа девица.
Сини волны всколебались,
Тростники шумят зеленые.
Вы шумите, волны синие,
Ты шепчешься, зеленой тростник!
Под плесканье ваше тихое,
Под шептанье ваше нежное
С красной девицею молодец
Заведет беседу сладкую.

МОРСКАЯ ЦАРИЦА

Плету венок я молодцу,
Плету венок я милому.
А за то плету, что он цеть горазд,
Что такой игры и не слыхано,
Что купав, пригож добрый молодец.

САДКО (продолжая)

Рассышайтесь, лебедушки,
Вы по кустикам, по частым
Собирать цветочки белые!
Окликайтесь, ауйтесь,
Вы, лебедушки...
(про себя) Дух занимается! (продолжает песню)
Не мешайте добру молодцу
С душой девицей...
(про себя) Ум помрачается! (продолжает песню)
Не мешайте добру молодцу
Говорить с душой девицей
Речи сладкие, любовные!

МОРСКАЯ ЦАРИЦА

Молодец мой не натешится
Игрой да песней нежною.

Дочери морского царя с подругами разбегаются по лесу.

* Молодильнички душистые — ландыши.

САДКО

Светят росой медвяною косы твои,
Словно жемчужным убором блещут!
Кто ты, девица?
Кто ты, красавица чудная, кто?

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Звончаты струны, искусны персты у тебя,
Молодец мой!
Статен, кунав ты, пригож!

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Ау! Ау!

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Мыслью ты светлой, что чайкой, под небом
паришь,
Рыбкою легкой ныряешь в волне.
Добрый молодец,
Суженый-ряженный, * молодец мой!

САДКО

Частыми звездами пояс твой чудный горит.
Кто ты, душа?
Кто ты, царевна моя?

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Любо так слушать мне
Наигрыш звончатый.
Полонили сердце мне
Песни чудные твои,
Желанный мой!
Любо слушать мне
Голос твой ласковый.

САДКО

Девица чудная!
Тебя люблю я,
Любить век буду я.

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Рассыпайтесь, лебедушки,
Вы по кустикам, по частым
Собирать цветочки белые,
Молодильнички душистые.

САДКО

Скажи же мне, кто ты?
По имени как звать?
Коль люб я, останься
Здесь век вековать!

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Я Волхова, царевна прекрасная,
Дочка царя я морского великого
И Водяницы, царицы премудрыя.
А сестры старшие — все речки глубокие,
Те, что с морями слюбились далекими,
Устьями впади в излучины синие.
Далеко, далеко живет грозен батька,
В глубоких безднах стоит его терем,
Лазоревый терем, прозрачны палаты.
Там рыб златоперых стада на просторе,
Там чуда морские, киты на стороже;
Там царство морское, великое царство.

* Суженый-ряженный — тот, с кем суждено «рядить», т. е. играть свадьбу.

Девица вещая, * знаю я, ведаю:
Не синю морю я просватана,
А за молодцом быть мне замужем,
Вкруг кусточка ракитова венчаной.
Ты мой суженый! Ты мой ряженный!

САДКО

Чудо чудное,
Диво дивное!
Радость моя,
Чудная девица,
Счастье мое!
Как с тобой венчаться мне?
Здесь женат я на земле.
Кину я все, —
Буду с тобой
Век вековать.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

На веки вечные сердце мое
Песни твои полонили, мой друг,
Мой молодец!
Суженый мой!
Ряженный мой!
Вкруг ракитова куста
Мне с тобою обходить.

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ.

Не шумят уж волны синие,
Тростничок замолк.
Нагулялись лебедушки,
Набрали цветов.
Пора молодцу с красной девицей
Сладкую беседушку перестать вести.

*Дочери морского царя с подружками
выходят из лесу.*

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Наигрались,
Нагулялись
Лебеди
По частым кустам,
Зеленым лугам
Досыта.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Прости, мой милый: скоро утро.
Сейчас из глубы озерной
Придет отец нас звать домой.
Тебе дарю я на прощанье
Три рыбки-перья золотые.
Закинешь сеть, поймашь их,
Богат ты будешь и счастлив,
Объедешь синие моря,
Увидишь дальние края.
А я, царевна Волхова,
Подруга вещая твоя,
Тебя я стану поджидать,
Твоею буду до веку.
За годом год чредой идет,
Что шелкова трава растет;
А день за днем, что дождь дождит;
За часом час рекой бежит.
Люби меня, будь верен мне.
Придет пора и свидимся,
С тобою свидимся,
Опять обнимемся.
Прости, прости! Беги скорей,

* Вещий — много знающий, мудрый.

Не то грозит тебе беда.
Скорей уйди, прости, прощай,
Прости надолго, мой желанный!

САДКО

Прости, царевна дорогая, —
Будет ждать тебя Садко!

*Садко уходит. Из глубины озера
поднимается царь морской.*

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Месяц-золотые рожки
Закатается за темные леса,
За горы высокие, за доли-степи низкие,
За моря за синие да за крутые берега.

Пора вам в омуты глубокие
Из поднебесных высот (*опускается вглубь*).

*Дочери морского царя и красные
девицы оборачиваются белыми лебе-
дями и уплывают вдаль.*

БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Уплываем мы, белые лебеди,
Серые утицы,
На заре в лукоморья зеленые,
В тихие заводи;
Уплываем мы в терем лазоревый
К грозному батюшке (*скрываются*).

*Тростник тихо колышется от утрен-
него ветерка. Красное солнышко
всходит.*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Избушка Садка. Раннее утро. Молодая жена Садка, Любава
Буслаевна, поджидает мужа.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Всю ночь ждала его я понапрасну...
Куда Садко девался, запропал?

Слышится благовест.

Уж и к обедням отзвонили,
Да только нет Садка. Тоскует сердце...
Ох, знаю я, Садко меня не любит,
Меня не жаль покинуть муженьку:
Несется мыслью он, что белый кречет,*
В чужий края, на синие моря.
О подвигах больших,
О славе богатырской
Все думает он думу,
Повсюду речь ведет одну...
Давно ли называл меня своею ладой,
Часами не сводил с меня своих очей?
Давно ли говорил любовны сладки речи,
Во гусельки играл и звонки песни пел?
Теперь одна... Садко меня не любит...
Увяла, знать, моя краса!
Меня не любит милый мой,
Ему постыла, видно, я... (*всматривается вдаль*).
То идет муженек, мил-надежа мой!
По улице светит зорею,
Ко двору приходит тучею,
Ударяет в ворота он бурею,
До крыльца идет, словно сильный дождь;
В терему своем покажется
Гроном-молнией сверкучею (*бросается навстречу
Садке*).
А и здравствуй же, мой желанный муж!

САДКО (*как бы про себя*)

Али в'явь со мной диво содеялось?
Али мало спалось, много виделось? (*задумывается*)
Ночка душистая...
Шелест камышевый...
Белые лебеди...
Чудная девица,
Дочка ты царская!
За что, бедного, ты подарила меня?
За что, сирого, жаловала?

* Кречет — сокол.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Что же, ты, Садко, моя ладушка,
С пиру ты идешь, сам кручинишься?
Чара тебе шла, знать, не по ряду.
Место было, знать, не по отчине?
Али пьяница насмеялся ти? **

САДКО

Чарой-то и впрямь обнесли Садка,
Места-то и впрямь ему не было,
Насмеялись над ним гости пьяные... (*задумывается*).
Ай же ты, царевна прекрасная!
Я ли жених тебе? Ты ли невеста мне?

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

А и что с тобой, добрый молодец?
До сих пор ты жил припеваючи.
Знать, попритчилось ныне что тебе:
Речь безумная, слова глупые!
В отдалении слышится трезвон.

САДКО (*прислушиваясь*).

Трезвон!.. Уж обедни отбыли...
Наступила пора моя—времячко!
Как пойду я на пристань к Воздвиженью,
Уж ударю я там о велик заклад:
Заложу свою я буйну голову.
Знаю я про чудо чудное,
Ведаю про диво дивное:
Есть в Ильмень-озере рыба-золото перо.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Коли я тебе опостылела,
Коли в чем тебе провинилась, —
Закопай меня во сыру-землю,
Не губи лишь ты своей головушки!

САДКО

Не дивлюся я разуму женскому:
Волос долог у них, да ум короткий.
Ты прости, жена неудачливая! (*уходит*).

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Помоги мне, боже-господи!
Сохрани его буйну голову.

** Насмеялся ти — насмеялся над тобой.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Пристань в Новгороде на берегу Ильмень-озера. Около пристани бусы-корабли. День. Торговые гости новгородские и всякий люд — мужчины и женщины — толпятся около заморских торговых гостей — варяжских, индийских, веденецких и других и рассматривают навезенные ими товары.

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ И НАРОД

Посмотрите-ка, люди вольные:
Гости дальних стран понаехали,
Навезли товар свой диковинный,
Дорогой товар!
А индийский-то подороже всех:
Кость слоновая, жемчуг скатен-бел,
Чуден аксамит, * — нет цены ему;
Доски шахматны со тавлеями, **
А тавлеи-то чиста золота,
Словно жар горят!

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Не два зверя то собиралися,
Не два лютые соходилися, —
Правда с Кривдою соходилися,
Промежду собой бились-дралися.

НАРОД

Вот идут сюда старики угрюмые,
Стих поют про книгу Голубиную, ***
Быль про Правду с Кривдой рассказывают.

*Появляются Дуда, Сопель и другие
скоморошины удалые-веселые молод-
цы, с гудками, сопелями и бубнами.*

ДУДА

Ой, дуди,
Скоморохи выходи!

В народе смех.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Кривда Правдушку переспорила:
Оставалась Кривда на земле,
Правда-матушка в небеса пошла.

ДУДА

Ой, вы, гости новгородские,
А и гости заезжие!
Что про Кривду с Правдой слушати?
Лучше слушати про хмеля ярого.
Ой!
По выходам хмель ходит да гуляет,
А и сам себя яр-хмель выхваляет:
Нет меня, хмеля, лучше, веселее,
Нет меня, хмеля, на свете сильнее.
Ой, Дунай, сын Иванович, Дунай!
А и все меня, хмелинушку, знают,
Бояре, князья любят, уважают,
Имениты гости славят, почитают,
Безо хмелинушки свадеб не играют,
Во хмеле дерутся, во хмеле и ладят.
Ой, Дунай...

* Аксамит — бархат.

** Тавлеи — шахматные фигуры.

*** Голубиная — от слова «голубь» — символ «святого духа»; либо «глубинная» — исполненная глубокой мудрости.

НЕЖАТА

(играя на гуслях)

Где пиво пьяное льется,
Слава и честь воздается
Со хозяйкой хозяину ласковому.

НАРОД

Посмотрите-ка, люди вольные:
Каковы про нас есть диковинки!
А и нет цены хрущатой камке,
Хороша камка и узор хитер:
Все то хитрости Царь-города,
Все то замыслы веденецкие!

ДУДА

(к толпящемуся около товаров народу)

Подходи, голь кабацкая!
Забирай сукно смурое, крашенину печатную!

НАРОД

Скоморох Дуда зачал торг вести *(смех)*.
Посмотрите-ка, люди вольные,
На товары земель заморских!
Гости дальних стран понаехали,
Навезли товар свой диковинный.
Сапожки — зелен сафьян,
На гвоздочках золотых!

НАСТОЯТЕЛИ

Божья помочь люду вольному
Торг вести, казну считать!

НАРОД

Божья помочь настоятелям
Суд судить, дела вершить!

НАРОД

(разглядывая товары)

А то перьяце орлиное
Подороже рыта бархата.
Гляньте, лапотки-то семи шелков,
Что семи шелков шемаханских —
Шелк не рвется и не трется, дорог шелк.

Появляются волхи.

НАСТОЯТЕЛИ

(разговаривая между собой)

Надо нам волхов * поспрашивать,
Как унять лихова врага, —
Не ходил бы он по улицам,
Не смущал бы голь кабацкую.

Волхи подходят к настоятелям.

ВОЛХИ

На море, на Окияне, на острове на Буяне
Сокрыта сила могучая, той силе нет конца.
Выпускаю я силу могучую на лихова на врага.

НАРОД

Пушист соболь да ушист!
Есть про нас напитки сладкие,
Есть про нас меды стоялые.

* Волх — кудесник, колдун.

Сцена торжища — IV картина

НАСТОЯТЕЛИ (волхам)

Нам-то вас, волхов, и надобно:
Вы скажите слово тайное,
Чтоб нам люди ниже кланялись
Да наветов бы не слушали.

Уходят с волхами.

НАРОД

Выбирайте-ка вы червленый* вяз, —
Целый пуд свинцу в нем налито.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Восходила в небе туча грозная,
Выпадала книга Голубиная.
Долины та книга сорока сажень,
Ширины та книга сорока сажень.
Никто к книге той не приступится,
Никто к божией не притронется.
Подходил ко книге Голубиной,
Подходил к ней царь Волот Волотыч.
Перед ним она разгибается,
А и мудрое-то все писание об'является...

НЕЖАТА

Слава Новугороду,
С пригороды всеи слава,
Со посады слава!

ДУДА

Ой вы, гости торговые,
А и ты, голь кабацкая!
Вы послушайте веселых молодцов,
Вы не слушайте угрюмых стариков!

СОПЕЛЬ

Хорошо поют:
Стих ко стиху на дровнях волокут (смеется).
Ой, Дунай, сын Иванович, Дунай!

СКОМОРОШИНЫ УДАЛЫЕ

Нет меня, хмеля, лучше,
Нет меня веселее.

ДУДА И СОПЕЛЬ

Только лих на хмель есть мужик садовник, —
Борозды копает, яр хмель зарывает.
Тут я, хмелюшка, понял, догадался,
По тычиночке высоко поднялся.
Ой, Дунай, сын Иванович, Дунай!
Раскидал я, хмель, яровые шишки,
Попадал я, хмель, в бражку, пиво пьяное,
Отсмеял я, хмель, мужику насмешку,
Мужика ударил о тын головою,
Еще в черну грязь длинной бороною.
Ой, Дунай, сын Иванович, Дунай!

НАРОД

Посмотрите-ка, люди вольные,
Посмотрите: кафтан скурлат-сукно,
Одна строчка в нем чиста серебра,
А другая-то красна золота;
А и золото-то не медеет,
А и серебро не железеет.

ДУДА (девицам)

Не мечитесь, девицы, на златы перстни:
Скоро кольца те распаяются!

* Червленый — багровый, цвета краски «чер-
вленец».

НАРОД

Скоморох Дуда стал пугать, страшать! (Смех).

НАСТОЯТЕЛИ

Жаль, Садка нет, гусяра удалого:
Закупил бы все товары он под ряд,
Все б худые да и добрые забрал!
Жаль — бессчетной нет казны-то золотой,
Жаль — нет денежки, полущечки малой,
А и не на что товары закупить!

ДУДА

Для Садка и мы товары припасли:
Черепаны биты да гнилы горшки, —
Пригодятся детям в черепки играть.

Смех в народе

НАРОД

Ай да, Дуда!
Ха, ха, ха, ха, ха!
Ай, молодец!
Хорошо сказал!
Посмотрите-ка, люди вольные,
Гости дальних стран понаехали,
Навезен товар диковинный!
И чудны ж люди стран далеких,
Не понять нам их речи-говору.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Малый Индрик* зверь — всем зверям мати;
Птица Астрафель** — птицам всем мати;
В море рыба Кит — рыбам всем мати;
Камень Алатырь*** — всем камням мати;
Ильмень-озеро — озерам мати;
Окиян-море — всем морям мати.
Поем славу мы богу-господу,
Еще славным всем богатырям.
Слава им!..

ВОЛХИ (настоятелям)

Коли есть у вас злые вороги, —
Создадим главы вам железные,
Очи яхонта, язык серебра,
Сердца крепкие, булатные,
Ноги волка, зверя рысучего.
А и недругу-ненавистнику —
Ум телячий, сердце заячье,
Черепаший ход да овечью речь. (Увидев Садка).
Вот и враг злой — на помине скор!

НАРОД

Похвалялся наш молодой гусяр
Весь товар скупить, нам привезенный, —
А товару-то сметы нет.

Общий хохот.

Вот и сам Садко, именитый гость!

САДКО

Поклон вам, гости именитые,
Гей вы, купцы новгородские!
Знаю я про чудо чудное,
Ведаю про диво дивное:
Есть в Ильмень-озере,
Есть рыба-золото перо.

* Индрик — единорог.

** Астрафель — строфокамил, страус.

*** Алатырь — янтарь.

НАСТОЯТЕЛИ

Нет не знаешь чуда чудного,
Дива дивного не ведаешь!
В Ильмень-озере глубоком
Рыбы нет такой.

САДКО

Гой, вы, купцы новгородские!
Будем биться о велик заклад:
Заложу свою я буйну голову,
Вы же лавки с товаром красным.

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ И НАРОД

Ударяйте-ка по рукам с гусяром,
А те речи-то позаписывайте.

Настоятели и Садко ударяют по рукам. Несколько новгородцев готовят бусу-ладью.

Вы садитесь в ладью, гости знатные,
А и Сад-Садко, ты садись в нее.
Вы гребите, корабельщики,
Выезжайте в Ильмень-озеро,
Вы закиньте сеть шелковую.

Настоятели и Садко садятся в ладью. Ладья уходит. Толпящийся народ следит за нею.

Нелепа ж вправду похвальба твоя, Садко:
Головку буйну прозаложишь ты, гусяр,
Скатиться ей с широких плеч!

Из озера слышится голос морской царевны.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Садко!

Поймаешь рыбок золотых,
Богат ты будешь и счастлив.
Объедешь синие моря,
Увидишь дальние края.
Твоя я буду до веку, твоя!

Ладья возвращается. Садко и скомо-рохи вынимают из нее три рыбы-золотые перья.

НАСТОЯТЕЛИ

Чудо чудное, диво дивное поймано!
Чудо чудное, диво дивное!
Золото-перо рыба поймана.
От покон веку стоит Новгород,
А чудес таких не видал еще!

НАРОД

Слава, слава тебе, молодой гусяр!
Уж и слава тебе, свет гостинный сын! *(Настоятелям)*
Проиграли вы, гости, велик заклад, —
Отдавайте-ка лавки с товарами.
А и стали теперь, гости знатные,
Бедняками у нас вы последними.

2-й НАСТОЯТЕЛЬ

Приключилось горе-злосчастье:
Стал Садко богачом в Новгороде.

1-й НАСТОЯТЕЛЬ

А и стали мы голью последнею.

САДКО

Люди вольные новгородские!
Осмотрите вы сеть шелковую:
Не осталось ли мелкой рыбки в ней,
Снятков малых?

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Твоя, твоя, твоя!

Невод осматривают; вся рыба в нем превращается в слитки золота, блестящие на солнце. Народ в оцепенении.

НАРОД

Золото!.. Золото!..
В шелковой сети
Красно золото
Словно жар горит.
Чудо чудное,
Диво дивное!
Испокон веку
Стоит Новгород,
А чудес таких
Не видал еще.

Общее волнение; все обступают Садка и кланяются ему.

Слава, слава тебе, молодой гусяр,
Уж и слава тебе, свет гостинный сын!
Стал Садко первый гость в Новгороде, —
Богача нет у нас супротив него. *(Настоятелям)*.
А и стали вы голью последнею.

САДКО

Гой, сходишь сюда, братья молодшая!
Вы сходитесь, люди неимущие!
Вы берите мое красно золото,
По рядам вы идите гостинным,
Закупайте товары в Новгороде,
Все товары—худые да добрые.
Одевайтесь в платье изрядное,
Вы мне будьте дружиной хороброю.
Целовальнички * любимы,
Верная дружина!
Вы спасите, снаряжайте
Корабли червлены,
Нагрузите их товаром,
Золотой казною.
Станет вечер вечеряться,
Солнце закататься, —
На тех бусах-кораблях мы
Паруса подыдем,
Поплывем за сине море
В дальнюю сторонку.

Дружина, забрав слитки золота, уходит.

НАРОД

Счету нет его золотой казне,
Столько золота и не видано.
И отколь взялся клад велик такой?
Таковых чудес и не слыхано.
Видно, любит его грозен царь морской
За игру да за песни удалые!

Нежата ударяет по струнам. Народ слушает его.

* Целовальник — целовавший крест, давший клятву верности.

НЕЖАТА

Как на озере на Ильмене,
На крут берегу изба стоит.
Велика та изба, — во все дерево.
А лежит в ней на лавке сам царь морской.
Залетел Соловей из Новгорода.
Как запел по-соловьиному,
Услыхал царь морской, распотешился,
Золотых ему рыбок пожаловал.
Как пришел Соловей в славный Новгород,
Ударял Соловей о велик заклад.
Тут повышли купцы новгородские,
Лавки с красным товаром закладывали.
Невод шелковый в воду закинули,
А и золото красно повынули.
Бедняками купцы те поделались.
Соловей стал богатый торговый гость.

ДУДА

Ой, купцы вы новгородские,
Зачем бились о велик заклад?
Стали голью вы последнею!

СОПЕЛЬ

Торговать стал Соловей.
В белокаменных палатах
Пированьица-пиры
Что ни день пошли.
А и нас он, скоморохов,
Стал поити да кормити.
А тех голых мужиков
Не велел пускати.
А и званному-то гостю
Место есть на пиру,
А незванному-то гостю
Места-то и нет.

ДУДА

(обращаясь к настоятелям)

Так ли, гости знатные?

НАСТОЯТЕЛИ

Уходи, пока цел!

Народ смеется. Садко и дружина возвращаются в богатом цветном платье.

ДРУЖИНА

Станет вечер вечеряться,
Солнце закататься, —
На тех бусах-кораблях мы
Паруса подыдем,
Поплывем за сине море
В дальнюю сторонку.

Садко подходит к настоятелям.

САДКО

Непригоже, чтоб вы, гости знатные,
Бедняками последними сделались:
Свои лавки с товарами красными
За собой оставляйте попрежнему.
Тому глаз вон, кто вспомнит про старое!

НАРОД

Слава, слава тебе, молодой гуслар!
Слава, слава тебе, свет торговый гость!
Зла не помнит Садко на обидчиков, —
Волен был их казнить, да помиловал.

САДКО

Гой, вы, гости иноземные,
Гой, вы, люди заезжие!
Вы пропойте-ка нам песни звонкие,
Про края расскажите далекие,
Чтоб нам знать, в какую сторону путь держать,
И где больше чудес повстречается.
Ты, варяжский гость, гость Индийской земли,
А и гость ли великого города Веденца! *

ВАРЯЖСКИЙ ГОСТЬ

О скалы грозные дробятся с ревом волны
И с белой пеною крутятся бегут назад,
Но твердо серые утесы
Выносят волн напор,
Над морем стоя.
От скал тех каменных у нас, варягов, кости;
От той волны морской в нас кровь руда пошла,
А мысли тайны — от туманов.
Мы в море родились,
Умрем на море.
Мечи булатны, стрелы остры у варягов,
Наносят смерть они без промаха врагу.
Отважны люди стран полных,
Велик их один бог,
Угрюмо море.

НАРОД

Ой, не на радость ко варягам плыть,
И живут же там все разбойнички:
Самому Садку убиту быть,
Растерять дружину верную!

ИНДИЙСКИЙ ГОСТЬ

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
Далекой Индии чудес.
Есть на теплом море
Чудный камень яхонт;
На том камне Финикс,
Птица с ликом девы,
Райские все песни
Сладко распевает,
Перья распускает,
Море закрывает.
Кто ту птицу слышит,
Все позабывает.
Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
Далекой Индии чудес!

НАРОД

Ой, и чудна ж земля Индийская!
Да не ездят, гость, на ту сторону,
Ой, берегись птицы Финикса,
Понапрасну не теряй головы.

ВЕДЕНЕЦКИЙ ГОСТЬ

Город каменный, городам всем мать,
Славный Веденец середь моря стал.
А и раз в году церковь чудная
Поднимается из синя моря.
Соезжаются к ней да дивуются
Славны витязи все из-за моря.
А могучий князь в золотом дворце
Обручен кольцом с морем синиим.
Город прекрасный, город счастливый,
Моря царица, Веденец славный!

* Веденец — Венеция.

Тихо порхает ветер прохладный,
Синее море, синее небо.
Над морем синим царствуешь кротко,
Город прекрасный, Веденец славный!
Месяц сияет с неба ночного,
Синее море плещется тихо,
Дев чернокудрых песни несутся,
Слышатся лютни звонкие струны.
Город прекрасный, город счастливый,
Моря царица, Веденец славный!

НЕЖАТА

А и в Веденец славный путь ты держи,
Звонкие песни там перейми.
Вороти, Садко, в славный Веденец!
Слава городу, слава Веденцу!
К нам ворочайся ты поскорей,
Песни сложи для нас позвончей.

ДУДА И СОПЕЛЬ

Слава городу, слава Веденцу!

НАРОД

Вороти, Садко, в славный Веденец!
В Веденце славном ты побывай,
Сильного князя там повидай,
Каменной церкви ты поклонись,
Красным товаром там похвались.

Выбегает Любава Буслаевна и бросается к Садке.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Куда ты собираешься?
Уж куда ты снаряжаешься?
В какой народ?
В какую сторону?
Как чужая-то сторонushка
Горем вся посеяна,
Слезам поливана.

САДКО

Ты прости-прощай, молода жена!
Ой, не сдержать тебе, лебедка, ясна сокола,
Ой, не подрезать крыльев-перьев белых,
могучих! (Народу).
Ты прости-прощай, новгородский люд!

Коли бог судил, так и свидимся.
Пейте ж, пойте, гуляйте три дня, три ночи, —
Велики будут Садкины проводы.

Идет на корабль. Любава Буслаевна плачет.

НАРОД

Ты прости-прощай, богатырь Садко!

САДКО

(на корабле запекает)

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — Окиян-море.
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские.

САДКО И ДРУЖИНА

Как из-за моря, моря синего
Выбегали тридцать кораблей,
А и тридцать кораблей и один корабль
Молода Соловья Будимировича,*
Хорошо корабли изукрашены,
А Сокол-то корабль да покраше всех.
Как на том корабле, на беседе** сидит
Молодой Соловей Будимирович.

НЕЖАТА, НАСТОЯТЕЛИ, ДУДА, СОПЕЛЬ И НАРОД

На беседе сидит купав молодец,
Да не он, Соловей Будимирович,
А и славный богатый торговый гость,
Молодой соловеюшко, Сад-Садко!

Корабль отплывает; в глубине другие корабли. Паруса освещены алым светом заходящего солнца.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Расступися ты, мать-сыра земля,
Вдову сирую, ты сокрой меня!

НАРОД *(на берегу)*

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — Окиян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские,
Еще глубже их море синее!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Необъятная ширь моря-окияна. Сокол-корабль Садка останавливается среди моря с повисшими парусами и не трогается с места. Вдали проходят прочие бусы-корабли и скрываются. Дружина Садка бросает в море бочки с красным золотом, чистым серебром и скатным жемчугом.

ДРУЖИНА

Уж как по морю, морю синему
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и один корабль
Самого Садки, гостя славного.
А и все корабли-то, что соколы летят,
А Сокол-то корабль один на море стоит.

САДКО

А я, Сад-Садко, знаю-ведаю:
Видно, дани иной царю надобно.
Гой, вы, корабельщики удалые!

Гой, вы, целовальники любимые!
А и в место все собирайтесь,
А и режьте жеребья вы валжены,***
А и всяк пиши на имена;
А и бросьте их на море синее.

Дружина вырезывает жеребья, пишет имена.

* Соловей Будимирович — былинный герой, который, как и Садко, плавал по далеким морям.

** Беседа на корабле — капитанское место.

*** Из ивы.

Подводное царство — VI картина

САДКО

А я, Сад-Садко, знаю-ведаю,
Что не царь морской меня требует, —
Волхова-царевна ждет.

ДРУЖИНА

Гой, ты, Сад-Садко, добрый молодец,
А и жеребья валжены повырезаны,
Имена на них понаписаны;
Пусть твой жребий будет хмелево перо.

*Дружина бросает жеребья на воду и
наблюдает за ними.*

ДРУЖИНА

Чудо чудное, диво дивное!
Все-то жеребья поверху моря плывут,
Как бы яры гоголи * по заводям,
А и тонет на дно хмелево перо
Самого Садки, гостя славного.
Приключилось горе лютое!

САДКО

Ты прости, дружинишка
Подначальная!
Вы скажите, молодцы,
Молодой жене:
Будет воля божия —
К ней вернуся я,
Встретимся, увидимся
Да обнимемся.
Если ж по мне молодцу
Ныне смерть пришла, —
Лихом бы не помнила
Виноватого.

Садко, взяв гусли, спускается в море.

* Гоголи — порода уток с горделивой осанкой.

ДРУЖИНА

Ты прости, прощай,
Добрый молодец!
Чудо чудное,
Диво дивное!
Белы парусы
Надуваются.

*Корабль трогается с места и уплывает.
Садко остается середь моря один.*

САДКО

А и все корабли, что соколы летят,
А Сокол-то корабль белым кречетом.

ДРУЖИНА

Как по морюшку синему
Бежит-побежит Сокол-корабль;
А беседа пустая стоит:
Не сидит на ней Соловей-Садко.

САДКО

Сердечко чует ретивое:
Час свиданья настает.

*Садко ударяет по струнам; вдали, как
отзвук, слышатся девичьи голоса.*

САДКО

Никак поют? Иль белы чайки кличут?

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Ты верен был двенадцать лет, —
До веку я твоя, Садко!

САДКО

*Вода волнуется. Садко опускается в
бездну морскую.*

Грузчики

VII картина

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На темной темени выступает терем подводный, лазоревый са-
мого царя морского великого. Посередине его част-раKITов
куст. Грозен царь морской, окиян-море со царицею Водяницею
премудрую сидят на престолах. Волхова-царевна прекрасная
прядет пряжу. Подруги ее, красны девицы царства подводного,
поют песню.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА И КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Глубь глубокая,
Окиян-море!
Царство подводное,
Терем лазоревый!
Нет тебя лучше,
Нет тебя краше!
Кто в терем вступит,
Тот не выйдет назад вовек.

*Садко спускается в терем и становит-
ся перед царем; в руках у него
гусли.*

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Гой-еси, купец-богатый гость!
Много лет ты бегал по морю,
Не платил мне дани-пошлины.
Ждал тебя, Садка, двенадцать лет, —
Ныне сам ты головой пришел.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Грозен батюшка, не прогневайся!
Повели ему песню спеть-сыграть.

ЦАРЬ МОРСКОЙ

В гусли звонки заиграй, Садко,
Дочь потешь мою любимую.

САДКО

(играет на гусях и поет величальную песню)

Синее море грозно, широко,
Дно синя моря темно, глубоко.
Бездна морская, кто тебя смерит?
Терем прозрачен, терем лазорев,
Кто тебя строил, кто володыка?
Царство морское великое!
Славен, грозен царь морской
Со царицей Водяницей,
Со царевной Волховой
Молодой!
То светло солнце — лик володыки;
Ясен тот месяц — кудри царицы;
Частые звезды — очи царевны;
Алые зори — милость царева;
Темные тучи — гнев да опала.
Нет краше царства подводного!
Славен, грозен царь морской
Со царицей Водяницей,
Со царевной Волховой,
Молодой.
Слава, слава!
Морю синему
Слава!

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Сладко поет он,
Добрый молодец.
Вот мой суженый,
Бот мой ряженный!
Полюбила добра молодца
За песни за звонкие.

МОРСКОЙ ЦАРЬ

А искусен он песни петь-играть!
Светлой мыслью, словно чайкой белой,
По-над морем синим он парит;
Словно рыбкой легкой златоперой
Сквозь сребристую волну плывет гусяр.

КРАСНЫЕ ДЕВИЦЫ

Морю синему,
Окиян-морю
Слава, слава!

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Ну, горазд, Садко, ты петь-играть. —
Полюбился ты мне, молодец!
Окрутим тебя мы свадебкой
Со царевной, моей дочкою.
Тебя милую да жалую:
Оставайся жить здесь в тереме.
Вот тебе жена, Садко! *(Указывает на царевну
Волхову).*

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Так за молодым быть мне замужем.
Здравствуй, суженый мой,
Здравствуй, ряженный мой!
Полонили сердце мне
Песни чудные твои,
Желанный мой!

САДКО

Лада моя!
Лада, мой друг!
Царская дочь!
Девица вещая!

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Сейчас честным пирком да и за свадебку!
Садко и царевна отходят в сторону.

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Гой, вы, сомы-усачи, трубачи велегласные,
В трубы трубите, сзывайте все царство подводное!
Ныне у нас здесь почестен пир, свадьба веселая:
Дочку молодшую царь отдает за мила дружка.
Пусть сойдутся дочки старшие —
Быстры речки светловодные,
Ручейки-внучата малые
Пусть сойдутся на почестен пир!
Всех зовем!
Чуда чудные морские,
Рыбы-перья золотые,
Будьте гости дорогие!
Щучка злая будет свахою,
Вы, налимы, будьте дружками,
А санными-то девицами
Будут окуни с плотниками.
Всем служить!
Осетер пусть будет стольником,
А кит-рыба приворотником.
Всех зовет вас царь с царицею!

Сам грозен царь морской,
Сам Окиян-море
Всех зовет!

*Во время речи царя слышны трубы
бирючей царства подводного. Горже-
ственное шествие старших дочерей-
речек светловодных, ручейков-внучат
малых, рыб сереброчешуйных и зо-
лотоперых и разных чуд морских.*

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Настал часок давно желанный, —
Стану скоро я твоей.

САДКО

Настал часок желанный, —
Скоро станешь ты моей!

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Настал часок, давно желанный час:
Из далеких морей
Собралось на почестен пир,
На веселую свадебку
Царство славное подводное.

ЦАРСТВО ПОДВОДНОЕ

Вокруг ракитова кусточка
Мы царевну пообедем
С милым дружкой своим рядком.

*Садко с царевною становятся рука
об руку возле кусточка ракитова.
Царь с царицею обводят их вокруг
куста под пение свадебной песни.*

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

То не рыбку нес ясен млад рыболов,
А царевну поял новгородский гуслиар.
Ай, лели-лели Ладо!
За белу руку брал он невестушку,
Обходил три раза част-ракинов куст.
Ай, лели-лели Ладо!
А и жить-поживать добру молодцу,
С Волховою-царевной повенчанному.
Ай, лели-лели Ладо!

*Свадебное шествие останавливается.
Начинается пляска.*

ЦАРЬ МОРСКОЙ (Садке)

Поиграй во гусли звонкие,
Потешай меня со царицею!
Пусть попляшет-разыграется
Царство славное, подводное.

*Садко играет на гусях переборы и
плясовую, сначала довольно медленно
и истово, потом чаще и чаще, при-
певая от времени до времени. Царство
подводное начинает пляску, все бо-
лее и более оживленную.*

САДКО

Славен, грозен царь морской
Со царицей Водяницей,
Со царевной Волховой
Молодой!

ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО

Слава грозному царю
Со царицей Водяницей,
Со повенчанной царевной,
Слава!

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Лада, суженый мой!
Лада, ряженный мой!
Молодец милый,
Молодец чудный!

САДКО

Частые звезды — очи царевны.
Чудная лада, кто тебя краше?
Сердце забилося, кровь разыгралась!

ЦАРЬ МОРСКОЙ

У меня, царя, душа горит, —
Сам с царицей я пойду плясать.
Ой, премудрая царица,
Молодая молодница,
Выходи круги водить!

Царь с царицею пляшут.

САДКО

Слава грозному царю
Со царицей Водяницей,
Слава!

ЦАРСТВО ПОДВОДНОЕ

Слава морю-Окияну
Со далекими морями!
Озерам большим и малым,
Быстрым речкам с ручейками
Слава!

ЦАРЬ МОРСКОЙ

Сине море, всколыхнися!
С гор, ручьи, к рекам бегите!
Быстры реки, разливайтесь,
Бусы-корабли топите,
Православный люд губите!

ЦАРСТВО ПОДВОДНОЕ

Пир наш почестен — буря морская.
Царство морское — нет тебя краше!
Слава!

*Появляется старчище-могуч богатырь.
Пляска мгновенно останавливается.
Все царство подводное в полном
оцепенении.*

ВИДЕНИЕ

Ай, не в пору расплясался, грозен царь морской!
Сине море всколебалось, топит многи бусы-
корабли.
Отпускай же дочь любимую наповерх земли
к Новгороду, —

Быть ей речкой до веку.
А тебе пропадать на дно:
Власти над морем конец твоей!
А тебе, гуслиару, не велика честь
Тешить гуслими царство подводное, —
Послужи теперь песней Новгороду. (Исчезает)

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Прости, царь-батюшка родимый!
Царица-матушка, прости!
Простите, волны голубые! (Садке)
Я твоя, твоя!

САДКО

Девушка чудная,
Ты моя!

ЦАРСТВО МОРСКОЕ

Сказ затейливый,
Песню звонкую
Ты сложи про нас,
Удалой гуслиар!
В глубь глубокую,
В темень темную
Уходить пришло
Царству славному.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Оркестровое вступление изображает стремительно быстрый поезд новобрачных, Садка и морской царевны, на касатках и лебедях к Новгороду. Слышатся их голоса.

ГОЛОС САДКА

Как хороша ты, душа!
Как хороша,
Чудная девушка!
Полонила сердце мне
Чудная краса твоя,
Желанная!

ГОЛОС МОРСКОЙ ЦАРЕВНЫ

Молодец мой!
Суженый, ряженный мой!
Полонили сердце мне
Песни чудные твои,
Желанный мой!

Зеленый лужок на краю Ильмень-озера. Едва начинается свет. Садко спит на крутом берегу. Склонясь над ним, морская царевна поет «колыбельную».

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Сон по берегу ходил,
Дрема по лугу.
А и Сон искал Дрему,
Дрему спрашивал:
А и где же спит Садко,
Купав добрый молодец?
Баю, бай!
Спит Садко мой на лужку,
На зеленом берегу,
В шитом браном положку,
Во зеленом тростнику;
Убаюкала его
Ласка нежная моя.
Баю, бай!
Ты расти, мой тростничок,
Шитый, браный положок!
Не колышся, мурава,
Зелена да шелкова!
Сердце вещее мое
Полонила песнь его.

Занимается заря.

Заря взошла на небеса...
Будь славен и счастлив, Садко!
А я, царевна Волхова,
Подруга вещая твоя,

Туманом легким растекусь
И быстрой речкой обернусь;
По зеленым лугам прольюсь,
По желтым пескам пройдуся,
В крутые лягу берега
С милым дружкой своим рядом.
Милу дружку верна
До веку буду я.
Полонили сердце мне
Твои песни чудные...
Баю, бай!

Рассеивается алым утренним туманом по лугу. Слышится голос Любавы Буслаевны.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Ох, тошно мне, тошнехонько!
Тяжело мне, тяжелехонько!
Ой, не дай никому ты, господи,
Жить обидной во сирочестве,
Что во том ли во горьком вдовичестве.

САДКО (пробуждаясь)

А и где ж ты, Садко, добрый молодец,
Где ты спал-лежал?
На яву ль с тобой чудеса приключаются
Али вещие сны тебе грезятся?

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Ветры буйны меня приобвеяли,
Обдождали меня часты дождички, —
Осмеяли все люди крещеные,
Все соседи порядовые.

САДКО (прислушиваясь)

Кто здесь плачет, рекой разливается?
То девушка, жена ли мужевая,
Аль вдовица во горьком сирочестве?

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Ой, вы, малые пташки певчие!
Отыщите вы братца родимого,
Моего ли Садка-Соловьюшку!

САДКО

Что ты плачешь, грустишь, надрываешься?
Не вдова-сирота ты прегорькая, —
Ты жена моя любимая!

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА
(бросаясь к нему)

А и здравствуй же ты, мой желанный муж!

САДКО

По белу свету полно ездить мне
Да надрывать твое сердечушко.
Прости вину, жена любимая!
С тобою снова мил-надежа твой.
Есть мне дома с кем век скоротати,
Долги вечера пробаяти.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Как на мою ли долюшку счастливую
Ко мне вернулся вновь ты, мой желанный муж.
Прошли дни горькие, печальные,
Прошло ненастье, непогодушка.

САДКО

К тебе вернулся муж, —
То мил-надежа твой.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

Ко мне вернулся муж,
Вернулся мил-надежа мой!

*Туман мало-по-малу рассеивается, на
месте его виднеется Волхова-река ши-
рокая, соединенная с Ильмень-озером,
освещенная золотыми лучами восходя-
щего солнца.*

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА И САДКО

Чудо чудное, диво дивное!
По лугам бежит, по пескам течет
Речка быстрая, светловодная.

САДКО

То река Волхова глубокая!

*По реке в сторону озера бегут ко-
рабли; впереди всех Сокол-корабль;
на нем дружина Садка.*

ДРУЖИНА

А и вверх по широкой реке
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и один корабль.
А и все корабли-то, что соколы, летят,
А Сокол-то корабль легкой птицею,
Легкой птицею, белым кречетом.
А на том корабле сидят молодцы,
Самого Садка целовальнички;
А и сам-то Садко, добрый молодец,
На крутом бережку с молодой женой, —
Он дружинишку дожидается.

САДКО

За песню отдал царь морской
Садку царевну Волхову,
И протекла река
Быстра и глубока.
Нам путь пролег
В раздолье всей земли,
В далекие края.

ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА

В раздолье всей земли,
Нам путь пролег:
То песней ты своей, Садко,
Реку глубокую сманил, —
И протекла река
Быстра и глубока.

*Корабль останавливается. Дружина
сходит с него.*

ДРУЖИНА

А и здравствуй, Садко, добрый молодец!

САДКО

(обнимаясь с дружиною)

А и здравствуй, дружина хоробая,
Целовальнички мои верные!

*Подходят толпы народа новгородско-
го, гости торговые и всякий люд.
Между ними — настоятели, Нежага,
Дуда и Сопель.*

НАРОД

Чудо чудное, диво дивное! То река!
Протекла река в Новгороде,
Протекла река широка-глубока.
Пробежали по ней корабли
Самого Садка, гостя славного.
А и сам-то Садко с молодой женой
На крутом бережку дожидается.

НЕЖАТА, НАСТОЯТЕЛИ, ДУДА
И СОПЕЛЬ

Знать, песнею Садко
Реку глубокую сманил
Во славу Новгороду.
Проложен путь ко синю морю
В далекие края.

НАРОД

А и здравствуй, Садко, именитый гость!

САДКО

А и здравствуйте, люди новгородские!
А и здравствуй же ты, славный Новгород!
Помолитесь за старца могучего,
Что явился ко часу-ко времени,
Усмирил, утишил бурю-непогодь
И морского царя потопил на дно,
Обещал защитить новгородский люд,
А и тут повелел Волхове пройти.
Вы ж звоните, звоны новгородские!
Слава старчищу, память могучему,
За честной народ заступителю.

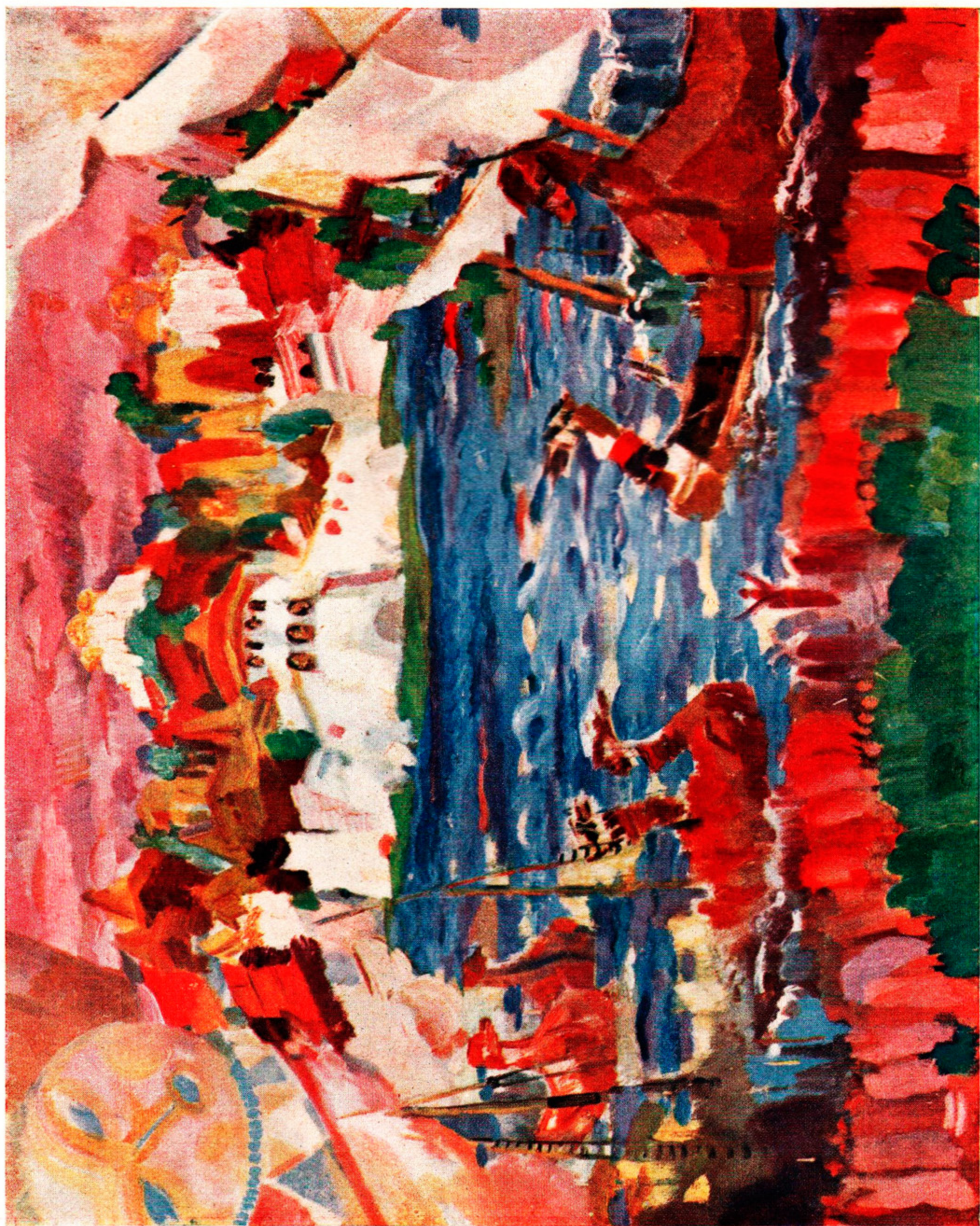
ЛЮБАВА БУСЛАЕВНА, НЕЖАТА
И ОБА НАСТОЯТЕЛЯ

Слава старчищу, память могучему,
За честной народ заступителю.

НАРОД

Богу-господу слава!
Во всю землю слава, держава!

*Из Новгорода доносится колокольный
звон.*

Сцена возвращения Садка — VII картина

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ
И НАРОД

Волхову-реку Новгороду дал бог,
Чрез озера к морю путь нам проложил.
По всем речкам, по озерам и морям
Мы безданно и беспошлинно пройдем, —
Царь морской не будет властвовать.
Слава!

ДУДА И СОПЕЛЬ

Гой, ты, гой-еси, грозен царь морской!
Голова твоя, что сenna копна!
Расплясались вы со царицею,

Корабли-бусы топить вздумали, —
А я сами тут на дно сгнули.
Слава!

НЕЖАТА И НАРОД

То старина славна, то и деянье
Старцам угрюмым на потешенье,
Молодцам, девицам на поученье,
Всем на услышанье.

ВСЕ

Морю синему слава!
Волхове-реке слава!

Новгородские женщины

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД *

Проф. С. В. Бахрушин

Былина о Садке-«богатом госте» ярко отражает память о торговой мощи феодального Новгорода, некогда «стоявшего», по выражению Маркса, «во главе русских народоправств».**

Славянский выселок на финской территории, расположенный у выхода реки Волхова из озера Ильменя, на большом торговом пути, соединявшем Балтику с рынками Восточной Европы, Великий Новгород в течение долгого времени, с XII до XV в., держал в своих руках весь товарный транзит с Запада на Русь, и это монопольное положение на русском рынке являлось основой его богатства и политического могущества. Новгорода не мог миновать ни один заморский купец; это был ключ к русскому сырью. За новгородский рынок боролись шведский остров Готланд и немецкие города Северной Гер-

мании и Прибалтики, впоследствии объединившиеся в Ганзейский союз. И готландское, и немецкое купечество уже с XII в. имело в Новгороде свои конторы — «дворы», и ежегодно направлялись в Новгород «из немец» два торговых каравана: «летние гости» морским путем — из Финского залива Невую, бурным Ладожским озером и Волховом, «зимние» — «горою», через Ливонию. Предметами ввоза были сукна, металлы, соль. Немецкие товары новгородцами распространялись затем по речным путям во все углы феодальной Руси и дальше Волгою — на татарский Восток.

В этой торговле львиная доля наживы доставалась немецкому капиталу. Объединенные в мощный союз, хорошо организованные северо-германские торговые города диктовали свои условия новгородскому рынку. Зато на русском рынке новгородцы были полными хозяевами. При господстве натуральных форм хозяйства в северо-восточной Руси они не имели конкурентов и властно покрывали за счет ту-

* Историческая справка.

** К. Marx «Secret diplomatic history of the 18—th century». London. 1899.

земного покупателя убытки, которые несли при сделках с иностранным продавцом.

В обмен на заграничную мануфактуру Новгород поставлял «за море» сырье — пушнину, коноплю, лен, масло. Он нуждался поэтому в широкой сырьевой базе. В поисках пушнины новгородские феодалы составляли из зависимых людей — «холопов сбоев» — партии «ушкуйников» и на свой риск, без «новгородского слова», бросали их на грабеж охотничьих племен, обитавших по большим северным рекам — Двине и Печоре, и дальше на восток, в Югру, в страну баснословных пушных богатств, где, по отзывам бывалых людей, всякий раз, как «найдет туча, и вместо дождя спадают с нее молодые белки и, выросши, разбегаются по земле». Уже в конце XI или в начале XII в. достигнуты были «горы, заходящие в луку морскую, высота которых как бы до небес», а несколько позже новгородцы перешагнули и за неприступный Урал. Тщетно туземные «югорские» (остяцкие и вогульские) князьки отсиживались от новгородских ратей за стенами своих городков. С оружием в руках собирались с туземцев меха, необходимые для товарообмена с Западом, путем ли открытого грабежа или под видом дани. Так сложились обширные колониальные владения Новгорода, продуктами которых питалась новгородская торговля.

Товары, доставляемые колониями, переходили в руки новгородских купцов, объединявшихся в характерные для феодальной эпохи торговые гильдии — «сотни». По обычаю, свойственному всей средневековой Европе, эти «сотни» концентрировались вокруг какой-нибудь церкви, служившей и местом встречи сочленов и складом их товаров; такова знаменитая гильдия «иванских купцов» при церкви Ивана на Опоках, добившаяся от новгородских князей целого ряда очень крупных привилегий.

Обогащаемый торговлей с Запада и хищнической эксплуатацией колоний, Новгород рос и обстраивался, привлекая в свои стены многочисленное население: во время пожара 1211 г. в нем сгорело 4 300 дворов. Рекой Волховом город делился на две «стороны», соединенные между собою укрепленным мостом: 1) Софийскую, где вокруг резиденции архиепископа, окаймленной стенами и башнями Детинца (кремля), с патрональной святыней Великого Новгорода — собором св. Софии,

расположены были кварталы, населенные феодальной знатью, 2) Торговую с «торгом», гостинными дворами — Готским и Любецким (немецким), церковью Ивана на Опоках, Ярославовым двором и местом вечевых сходов. Софийская сторона разбивалась на три конца, а Торговая — на два, и каждый конец составлял особое самоуправляющееся целое, разбитое на еще более мелкие самоуправляющиеся ячейки — улицы.

Монопольное положение Новгорода на тогдашнем русском рынке создавало почву для большого политического могущества. Ключ к западноевропейским рынкам, Новгород с XII в. был лакомым куском для русских князей, но колониальные захваты и заморская торговля создали внутри города сильное боярство и богатое купечество, с которыми нелегко было справиться князьям, наезжавшим с юга или из Суздальской Руси в качестве временных гостей. Здесь поэтому не только сохранился, но и получил дальнейшее развитие феодально-вечевой уклад городской жизни, который в других городах Руси постепенно замирал, по мере того, как в связи с изменением конъюнктуры мирового рынка падало их торговое значение. Вече — городская сходка, буйная и неорганизованная, собиравшаяся по звону вечевого колокола, оставалась в течение четырех веков хозяином Новгорода. Вече приглашало князя, «рядилось», заключало с ним «ряд» — договор, точно устанавливавший пределы его власти и прав; вече же изгоняло князя, если он нарушал «ряд» или чем иным вызывал недовольство своенравного города; вече выбирало в помощь князю из новгородских бояр посадника и тысяцкого, которые фактически управляли вместо князя городом; вече объявляло войну и заключало мир, выдавало жалованные грамоты, судило и приводило в исполнение свои приговоры, сбрасывая преступников с моста в волны Волхова. Князь был только наемным стражем этой городской республики, а в действительности все управление находилось в руках веча и избираемых им сановников. Он даже не смел жить в черте города: его резиденцией было Городище — укрепленная загородная усадьба вне городских стен. При малейшей попытке князя нарушить волюности Великого Новгорода вече властно «кланялось» ему: «А ныне, княже, поеди! Не можем терпеть твоего насилия, поеди от нас, а мы себе князя промыслим... По-

еди прочь! Не хотим тебя! Иначе пойдем всем Новгородом, прогоним тебя!»

На вече могли участвовать все без исключения жители Новгорода и даже население пригородов. Вопросы решались криком большинства или простой дракой. Но было бы ошибкой представлять себе вечевой строй как демократический, а вече как подлинный орган народного управления. За спиной веча стояли, верховодили им бояре, державшие в подчинении новгородский плебс, зависевший от них экономически. Из среды бояр избирались посадники и тысяцкие, правившие городом; вопросы, подлежавшие обсуждению веча, предreshались «господой», негласным боярским советом, который и направлял всю его деятельность. Каждый боярин опирался на свою улицу, которую он кормил, поил и держал в кабале, на свой конец, и через посредство своих «уличан» и «кончан» стремился властвовать на вече, нанимая «мужиков-горланов», «убийц и шильников», и нередко бурные столкновения, имевшие место на вечевых сходах, бывали результатом борьбы за власть между влиятельными боярами, натравливавшими друг на друга своих клиентов и зависимых людей. Таким образом, при внешне свободном образе правления «новгородцы мужи вольные» были фактически и в экономическом и политическом порабощении у крупных бояр-феодалов и примыкавшего к ним богатого слоя купечества. Низшие классы, эксплуатируемые и придавленные, не могли примириться с таким положением, и Новгород неоднократно делался ареной ожесточенной и часто кровопролитной классовой борьбы, когда «черные люди» Торговой стороны восставали против эксплуататоров, шли, «изоболочась в брони», против своих «супостатов» на Софийской стороне, громили боярские дома и житницы, конфисковали боярские «животы» и делили их «по зубу по всему городу», и только вмешательство самого крупного из новгородских феодалов — архиепископа, торопившегося занять со своей церковной свитой Волховский мост, чтобы раз'единить обе враждующие стороны, спасало ненавистных бояр от полного разгрома.

Богатство и политическая мощь «Господина Великого Новгорода», этого своеобразного города-сенъерии, нашли себе выражение в замечательных памятниках искусства, которые он создал. Господствующие классы не щадили богатств, награб-

ленных в колониях, для украшения своего города. В центре Новгорода, в архиепископском Детинце, монументальный собор св. Софии — шедевр архитектурного искусства XI в. — обрастал в течение последующих столетий целым лабиринтом роскошных зданий владычня двора, каменными палатами с фасадами, украшенными шарами и фресками, церквами, колокольнями, над которыми господствовал до сих пор существующий «столп (башня) зело высок посреди саду на высоком месте». Каждый боярин, каждый богатый купец удовлетворял свое честолюбие строительством храма; торговые гильдии соперничали между собой в постройке церквей. Сохранившаяся до наших дней Спасо-Нередицкая церковь под Новгородом с ее замечательными фресками является живым памятником высоты, которой достигало при этом искусство феодального Новгорода, и тех богатств, которые скоплялись в нем в результате колониальных предприятий, ростовщичества и торговли.

Гегемония Великого Новгорода на русском рынке падает в XV в. в связи с изменением всей хозяйственной обстановки. Монопольное положение его нарушено. В стране возникают новые торговые центры, открываются новые пути для иностранного ввоза. Через Смоленск завязываются сношения с Литвою, через Казань — с Востоком, через Крым — с торговыми республиками Италии; тверской купец Афанасий Никитин пытается установить непосредственные отношения с Персией и в поисках новых рынков проникает в Индию. Намечаются, таким образом, первые признаки зарождения «всероссийского рынка», * в котором В. И. Ленин видит предпосылку создания единого государства, и по мере того, как идет этот процесс, слабнут границы, разделявшие некогда экономически обособленные и замкнутые в себе княжества, и подготавливается их слияние в единое государство под эгидой Москвы. В этих условиях уже не было места монопольному хозяйничанию на рынке старого города-сенъерии, и самые политические формы города-государства представляли анахронизм. Московское самодержавие своими железными щупальцами уже стягивало в один узел разрозненные удельные княжества, и Новгород и его колонии явились, говоря словами Маркса,

* В. И. Ленин. Т. I, стр. 73.

«первыми жертвами». * После слабой и бесплодной попытки к сопротивлению Новгород пал. Ожесточенная классовая борьба внутри города, вызванная беззастенчивой эксплуатацией плебса боярством и богатыми слоями купечества, ускорила падение аристократической республики. Палладиум новгородской свободы — вечевой колокол был снят и увезен; земли новгородских феодалов были экспроприированы в пользу феодалов московских; верхушка новгородского купечества была выселена и на ее место переведены были на жительство в Новгород московские купцы.

Былина о Садке проходит на фоне большого средневекового торгового города, каким был в период своего расцвета Великий Новгород с его богатыми купцами, ездящими «торговать по всем местам, по всем прочим городам по дальним», строящими «палаты белокаменные», сооружающими храмы с позолоченными «крестами-маковицами». Перед нашими глазами встает Новгородский гостиный двор с «погребями рыбными», с «лавочками товара красного» и с «темным рядом», где продают «черепахи». Это центр торговой жизни Новгорода, куда ежедневно привозится «товару вдвое против прежнего», куда поступают «товары заморские», «на великую на славу Новгородскую», — пристань, где «становили корабли», метали «сходни на крутой берег» и купцы торопились «с кораблей своих выгрузить свое именье».

Сам Садко — лицо историческое. Под 1167 г. новгородская летопись пишет, что «заложи Садко Сытинич церковь каменную» во имя Бориса и Глеба, над Волховом. Постройка этой церкви, очевидно, способствовала сохранению в народной памяти и самого имени нашего героя и предания о его богатстве и строительской деятельности. Былина, преувеличивая действительность, приписывает Садке постройку не одной только, а целого ряда церквей, вплоть до знаменитого собора «Софии Премудрая», может быть, потому, что свою церковь он поставил на месте, где до пожара 1049 г. действительно стоял древнейший Софийский собор.

Но если имя героя переносит нас в глубь XII в., историческая обстановка, обрисованная былиной, мало соответствует эпохе

древней новгородской независимости. Мы находим в ней чисто московские термины: самое выражение «гость» есть термин московский, обозначающий представителя верхнего слоя богатого московского купечества, и несвойственен Новгороду; термин «посадские люди», обычный в Москве, не был в ходу в Новгороде. Былина не знает выборного звания посадников в Новгороде и, повидимому, заменяет его необычным выражением: «настоятели новгородские». Культ Николы Можайского, о котором есть упоминание в былине, — московского происхождения и не был, повидимому, известен в Новгороде до завоевания его Москвой.

Те реальные черты новгородской торговли, которые так поражают воображение в былине о Садке, могли быть навеяны и поздним Новгородом, который и под властью Москвы не утратил некоторой доли своего торгового значения и своих связей с заморьем. В XVI в. Новгород, переживший жестокий московский погром, все еще был богатым торговым городом с несколькими гостиными дворами, в которых «ставятся гости из всяких городов», с пристанью, с большими складами товаров в церковных подвалах, со значительным ремесленным населением и большим разнообразием специальностей в ремесленном производстве. Более того, у нас очень мало сведений о поездках новгородцев за море в XIV и XV вв.; развитию таких поездок препятствовали отсутствие собственного торгового флота и своекорыстная политика Ганзы. Наоборот, в XVII в., после Столбовского мира, новгородское купечество завязывает непосредственные сношения со Швецией, и ежегодно многочисленные новгородские люди направляются по бурному Балтийскому морю в далекий Стекольно (Стокгольм); тут и имели неоднократно место те кораблекрушения, которые могли оказать влияние на былинные описания, когда «и волной-то бьет, и паруса рвет, изломает весь корабль сейчас», и «тонут-гинут бусы-корабли, а и многие души бесповинные». Самый термин «бусы» был неизвестен в Новгороде: так называли суда, ходившие по Каспийскому морю в XVII веке.

Наконец, описание «палат белокаменных», которые поставил себе Садко в Новгороде и в которых все было изукрашено «по небесному»: «на небе ли красно солнышко — и в палатах красно солнышко, на небе ли млад светел месяц — и в палатах

* К. Marx «Secret diplomatic history of the 18—th century». London. 1899.

млад светел месяц, на небе ли звезды частые — и в палатах звезды частые», — невольно приводит на мысль плафонную роспись богатого боярского дома в Москве конца XVII в.: «Подволока накатная прикрыта холстом, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом, круг солнца беги небесные с зодиями и планеты писаны золотом», как это было в доме князя Василия Васильевича Голицына.

Итак, мы видим в былине два наслоения. Основной сюжет с именем героя Садка восходит, вероятно, к древнему Новгороду, к времени новгородской «вольности». Отсюда чисто новгородские патристические нотки: гордое сознание богатства Новгорода, нашедшее себе особенно мет-

кое выражение в одном из вариантов былины, где Садко, убедившись в невозможности скупить все товары, поступающие на гостиный двор, признается, что богат не он, богатый гость, а богат Великий Новгород. То же любованье родным городом чувствуется в воспоминании о церковном строительстве богатых новгородских купцов, о варварском великолепии создаваемых ими храмов с обилием золота и «чистого жемчуга».

Но эти поздние отзвуки новгородской старины подернуты покровом позднейшей московской купеческой легенды, не без искусства использовавшей и старые новгородские мотивы, и популярную сказку о царе водяном, и слухи об опасных морских поездках в неведомый Стекольно.

Волхи

Н. А. Р И М С К И Й - К О Р С А К О В О „С А Д К О“

Составил С. Дмитриев

В «Летописи моей музыкальной жизни» Н. А. Римский-Корсаков довольно подробно рассказывает о процессе творческой работы над «Садко». Сюжет этот предложен был ему М. П. Мусоргским, который первоначально намеревался использовать его сам, но потом от этой мысли отказался.

В 1867 году Н. А. Римский-Корсаков написал на сюжет «Садко» симфоническую поэму, о которой он пишет следующее:

«Вступление—картина спокойно волнуемого моря—заключает в себе гармоническую и модуляционную основу начала листовского «Ce qu'on entend sur la montagne» (модуляция на м. терцию вниз). Начало *allegro* $\frac{3}{4}$, рисующее падение Садка в море и увлечение его в глубь морским царем, напоминает приемом момент похищения Людмилы Черномором в I действии «Руслана», причем, однако, нисходящая гамма Глинки целыми тонами является замененной нисходящей же гаммой: полутон, тон, полутон, тон, сы-

гравшею впоследствии значительную роль во многих моих сочинениях. D-dur'ная часть *allegro* $\frac{4}{4}$, рисующая пир у морского царя, в гармоническом, а отчасти и в мелодическом отношении напоминает любимый мною в то время романс Балакирева—«Песня золотой рыбки» и вступление к речитативу «Русалки» из IV действия оперы Даргомыжского, а частью его же хор волшебных дев и некоторые гармонические и фигурационные приемы листовского «Mephisto-Walzer'a». Вполне оригинальной выдумкой является плясовая тема третьей части (Des-dur $\frac{2}{4}$), а равно и следующая за нею певучая тема. Вариации обеих тем, переходящие в мало-по-малу разрастающуюся бурю, сочинены отчасти под влиянием некоторых моментов «Mephisto-Walzer'a», отчасти же представляют собой некоторые отзвуки балакиревской «Тамары», далеко не оконченной в то время, но хорошо известной мне по исполнению автором ее отрывков. Заключительная часть «Садко», подобно вступитель-

ной, заканчивается красивым аккордовым ходом самостоятельного происхождения. Главные тональности «Садко» (Des dur — D-dur—Des-dur) избраны как бы в угоду Балакиреву, питавшему в те времена к ним какую-то исключительную склонность. Форма моей фантазии сложилась в зависимости от избранного мною сюжета, причем эпизод появления угодника Николы, к сожалению, был мною пропущен, и струны садкиных гусель разрывались сами собою. В общем форма «Садко» удовлетворительна, но средней его части — D-dur $\frac{3}{4}$ (пир у морского царя) отведено слишком много места по сравнению с картиной спокойного моря и пляской под наигрыш Садка; большее развитие последней с переходом в бурю было бы весьма желательно. Меня несколько удручают краткость и лаконичность этого произведения вообще — произведения, которому приличествовали бы более широкие формы. Если растянутость и многословие составляют недостаток многих композиторов, то слишком большая сжатость и лаконичность были тогдашним моим недостатком, и причиной их — недостаточность техники. Тем не менее оригинальность задачи и вытекающей из нее формы, оригинальность тем, плясовой и певучей, с чисто русским пошибом, налагавшим свою печать и на несколько заимствованные в смысле приемов вариации, каким-то чудом схваченный оркестровый колорит, несмотря на значительное мое невежество в области оркестровки, — все это делало мою пьесу привлекательной и достойной внимания многих музыкантов различных направлений, как то оказалось впоследствии». (Н. А. Римский-Корсаков. «Летопись моей музыкальной жизни», стр. 72—73. Музгиз. 1932).

В сезоне 1869—70 года Н. А. Римский-Корсаков вносит в партитуру поэмы частичные исправления, в 1891—92 году перерабатывает ее оркестровку.

За 20 с лишним лет, прошедших со времени сочинения симфонической поэмы до окончательной ее отделки, композитор неоднократно подумывал об использовании сюжета «Садко» для оперы. Летом 1894 г. он приступил к разработке либретто.

«В мае (1894 г.) мы переехали на лето в имение Вечашу, в Лужском уезде, близ ст. Плюсса, — рассказывает Н. А. Римский-Корсаков. — Незадолго до приезда в Вечашу я получил письмо от Н. Ф. Фин-

дейзена, в котором он убеждал меня приняться за оперу на сюжет «Садко» и предлагал некоторый план либретто... Мой план был несколько иной, чем у Финдейзена. Я писал о своей мысли В. В. Стасову; в ответ на это он мне также кое-что посоветовал, а именно дал мысль о 1-й картине оперы, которой первоначально у меня в виду не было. В течение лета план оперы-былины «Садко» у меня, как помнится, сложился окончательно, хотя впоследствии в него вошли некоторые важные добавления, о которых речь будет в своем месте. Я имел в виду для этой оперы воспользоваться материалом своей симфонической поэмы и во всяком случае пользоваться ее мотивами как лейтмотивами для оперы... Тогда же мне пришли в голову некоторые новые музыкальные мысли и для «Садко», например: мелодия арии Садка, тема былины Нежаты, кое-что для финала оперы. Помнится, местом для сочинения такого материала часто служили для меня длинные мостки с берега до купальни в озере. Мостки шли среди тростников; с одной стороны виднелись наклонившиеся большие ивы сада, с другой — раскидывалось озеро Песно. Все это как-то располагало к думам о «Садко». Но действительное, настоящее сочинение «Садко» еще не начиналось...

К весне 1895 г. у меня уже назрело много музыкального материала для оперы «Садко»; либретто было почти готово и частью окончательно выработано, для чего я просмотрел и взял в основу много былин, песен и пр. Весною я начал и окончил в наброске первую картину (новгородский пир), которою остался доволен. В мае мы переехали на летнее пребывание снова в милую Вечашу.

Летнее пребывание в Вечаше на этот раз было совершенно сходно с предыдущим. Сочинение «Садко» шло безостановочно. Картины 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я попевали одна за другой, и к концу лета вся опера по первоначальному плану была готова в черновом наброске и отчасти в партитуре (картины 1-я и 2-я). Почувствовав некоторое утомление, я приостанавливался на один или два дня, но более, и затем снова, с прежнею охотой принимался за продолжение. Я сказал, что сочинение шло по первоначальному плану; в план этот не входила Любава Буслаевна — жена Садка, и теперешней 3-й картины оперы поэтому не существовало.

Не существовало, конечно, и сцен, касающихся Любавы, в 4-й и 7-й картинах. Кроме того сцена на площади в 4-й картине была несравненно менее развита, чем впоследствии: калики перехожие и Нежата не участвовали в ней; сверх того рассказ Садка о его похождениях в 7-й картине был иной, без участия хора.

В середине лета ко мне в Вечашу приезжал Владимир Иванович Бельский...

В бытность его в Вечаше я играл ему кое-что из сочиненного мною для «Садко». Он был в величайшем восхищении. Вследствие этого у нас возникли и велись нескончаемые разговоры об этом сюжете и его подробностях. Явилась мысль ввести жену Садка и делались некоторые дополнения в бытовых сценах оперы, но все это пока оставалось на словах, и я отнюдь не решался на какие-либо переделки, ибо сценарий был и без того занимателен и складен. В августе, когда черновик всей оперы по первоначальному плану был окончен, я стал подумывать о жене Садка. Смешно сказать, но в это время у меня сделалась какая-то тоска по *f-moll'*ной тональности, в которой я давно ничего не сочинял и которой у меня в «Садко» пока не было. Это безотчетное стремление к строю *f-moll'* неотразимо влекло меня к сочинению арии Любавы, для которой я тут же набросал стихи. Ария была сочинена, нравилась мне и послужила к возникновению 3-й картины оперы, прочий текст для которой я попросил сочинить Бельского. Таким образом, в конце лета определилось, что у меня в опере прибавляется еще картина и что, сообразно с этим, следует многое добавить в 4-й и 7-й картинах — добавить то, что вызывалось введением образа прекрасной, любящей и верной Любавы. Итак, оконченная к концу лета по первоначальному плану опера оказалась неоконченной, так как план этот расширялся, тем более, что и большее развитие народной сцены в начале 4-й картины тоже оказалось желательным.

По переезде в Петербург я, однако, не принялся за осуществление всех своих новых намерений, тем более, что Бельскому я поручил составить мне новые части либретто, и ему предстояла большая и трудная работа. Я принялся тем временем за оркестровку частей оперы, не подлежащих каким-либо изменениям, как например 5-я, 6-я картины и значительные части 4-й и 7-й картин». (Там же, стр. 257—258, 262—264).

Летом 1896 года Н. А. Римский-Корсаков возобновил работу над «Садко». «Я усердно и успешно работал, — рассказывает он, — и досочинил все, оставшееся недоделанным по новому плану, и многое оркестровал, а именно 4-ю и 7-ю картины. В 4-й картине я развил большую народную сцену на площади по либретто Бельского, со вставкой калик перехожих и скоморохов, и сцену Любавы с Садком; в 7-й — были сочинены плач Любавы и дуэт ее с Садком, переделан заново рассказ Садка и развит финал оперы. Кое-что мне пришлось докончить осенью, по переезде в Петербург». (Там же, стр. 267).

Сопоставляя «Садко» с двумя предшествующими ему операми — «Млада» и «Ночь перед рождеством», Н. А. Римский-Корсаков говорит:

«Опера-былина «Садко» счастливее двух своих предшественниц... Былевой и фантастический сюжет «Садко» по существу своему не выставляет чисто драматических притязаний; это — 7 картин сказочного, эпического содержания. Реальное и фантастическое, драматическое (поскольку такое намечается былиной) и бытовое находятся между собой в полной гармонии. Контрапунктическая ткань, поредевшая в двух предыдущих операх и предшествовавших им оркестровых сочинениях, начинает вновь восстанавливаться. Оркестровые преувеличения «Млады» сглаживаются, начиная уже с «Ночи перед рождеством», но оркестр не теряет своей живописности, а в смысле блеска оркестр «Млады» едва ли где-либо превосходит сцену 4-й картины «Садко» («золото, золото»). Применение системы лейтмотивов значительно и удачно во всех трех операх. Сравнительная гармоническая и модуляционная простота в реальных частях и изысканность гармонии и модуляция в частях фантастических — прием, общий всем трем операм. Но что выделяет моего «Садко» из ряда всех моих опер, а может быть, и не только моих, но и опер вообще, — это былинный речитатив. В то время как в «Младе» и «Ночи» речитатив (за некоторыми исключениями, как например сцена дьячка с Солохой или сцена двух баб в «Ночи»), будучи в большей части случаев правильным, не развит и не характерен, речитатив оперы-былины и главным образом самого Садка небывало своеобразен при известном внутреннем однообразии строения. Речитатив этот — не разговорный язык, а как бы условно-уставный, былинный сказ или

роспев, первообраз которого можно найти в декламации рябининских былин... Одиннадцатидольный хор, былина Нежаты, хоры на корабле, напев стиха о голубиной книге и другие подробности способствуют со своей стороны приданию былевого и национального характера. Полагаю, что из народных сцен в последних трех операх сцена на площади (до входа Садка) наиболее разработанная и сложная. Сценическое оживление, смена действующих лиц и групп, как-то: калик перехожих, скоморохов, волхов, настоятелей, веселых женщин и т. д., сочетание их вместе, в соединении с ясной и широкой симфонической формой (нечто напоминающее рондо) — нельзя не назвать удачным и новым. Фантастические сцены: картина у Ильмень-озера с рассказом морской царевны, ловля золотых рыб, интермеццо перед подводным царством, пляска речек и рыбок, шествие

чуд морских, венчание вокруг ракитова куста, вступление к последней картине — по сказочному колориту не уступают соответствующим сценам «Млады» и «Ночи».

Намеченный впервые в Панночке и Снегурочке фантастический девический образ, поющий и исчезающий, вновь появляется в виде морской царевны, превращающейся в Волхов-реку. Вариация ее колыбельной песни, прощание с Садком и исчезновение считаю за одни из лучших страниц среди моей музыки фантастического содержания. Таким образом, «Млада» и «Ночь перед рождеством» являются для меня как бы двумя большими этюдами, предшествовавшими сочинению «Садко», а последний, представляя собой наиболее безупречное гармоничное сочетание оригинального сюжета и выразительной музыки, завершает собой средний период моей оперной деятельности». (Там же, стр. 269—270).

Б

Скоморохи

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ О ПЕРВЫХ ПОСТАНОВКАХ „САДКО“

В эту же осень* я представил в театральную дирекцию моего «Садко». В виду ознакомления с вещью было назначено слушанье. В присутствии директора Всеволожского, Направника, Кондратьева, Палечека и других, а также некоторых артистов и артисток опера исполнялась под фортепиано. Играл Ф. Blumenfeld; я подпевал и объяснял, что мог. Надо сознаться, что Феликс был как-то не в ударе, играл неохотно и несколько неряшливо; я волновался и скоро охрип. Повидимому, слушатели ничего не поняли, и опера никому не понравилась. Направник был хмур и кисел. Произведение было сыграно не все «за поздним временем». Опера моя, очевидно, провалилась в глазах Всеволожского и, познакомившись с нею, он взял совершенно другой тон в объяснениях со мной. Он говорил, что утверждение репертуара на будущий год зависит не от него, а, как всегда, от государя, который лично его просматривает, что постановка «Садко» дорога и затруднительна, что есть другие произведения, которые дирекция обязана поставить по желанию членов царской фамилии, при всем том он не отказывался окончательно от постановки «Садко», но мне было ясно, что это неправда, и я решил оставить дирекцию в покое и никогда более ее не тревожить предложением своих опер.

В декабре ко мне приехал из Москвы Савва

Иванович Мамонтов, ставший с этого года во главе частной оперной труппы в Солодовниковском театре, и сообщил о своем намерении в непродолжительном времени поставить у себя «Садко», что им и было выполнено на рождественских праздниках. Я с Надеждой Николаевной поехал в Москву ко второму представлению. Декорации оказались недурны, хотя между 5-й и 4-й картинами делался перерыв музыки для перемены; некоторые артисты были хороши, но в общем опера была разучена плохо. Дирижировал итальянец Эспозито. В оркестре, помимо фальшивых нот, не хватало некоторых инструментов; хористы в 1-й картине пели по нотам, держа их в руках вместо обеденного меню; в 4-й картине хор вовсе не пел, а играл один оркестр. Все объяснялось спешностью постановки. Но у публики опера имела громадный успех, что и требовалось. Я был возмущен; но меня вызывали, подносили венки, артисты и С. И. всячески чествовали меня; оставалось кланяться и благодарить. Из артистов выделялись Секар-Рожанский — Садко и Забела (жена художника Врубеля) — морская царевна. Оба мне были знакомы как бывшие ученики Петербургской консерватории.

К великому посту мамонтовская опера в целом своем составе появилась в Петербурге и поместилась в театральном зале консерватории. Для открытия спектаклей должен был идти «Садко». Оперу стали усердно репетировать под моим ру-

* 1897 года.

ководством. Я тщательно разучивал оркестр вместе с Эспозито, который оказался весьма недурным музыкантом. Ошибки были выправлены, неряшливо исполненные трудные пассажи были тщательно разучены, оттенки строго требовались. Хор доучил невыученное раньше, солистам тоже были сделаны некоторые указания, и «Садко» был дан в весьма приличном виде. Солисты, за исключением разве Бедлевича (морской царь), которого я не выносил, были хороши. Забела пела превосходно и создавала поэтический образ царевны; Секар-Рожанский был тоже на своем месте. Опера весьма понравилась и была дана несколько раз («Летопись моей музыкальной жизни», стр. 272—274. Музгиз. 1932).

И. А. Всеволожского сменил князь С. М. Волконский. Новый директор театров немедленно же приступил к постановке «Садко» * на Мариинском театре. Декорации писались по эскизам А. Васне-

цова, костюмы тоже делались по его рисункам. Лучшие силы из числа артистов были привлечены. Царевна была Больша, Садко — Ершов, однако почему-то (по причине интриг или капризов) не певший на первом представлении и замененный Давыдовым. Направник разучивал и дирижировал не морщась, но впоследствии все-таки сдал мою оперу Феликсу Blumenfeldу, ставшему к этому времени на равные права с Крушевским. Итак, «Садко» был, наконец, дан на императорском театре, что давно пора было сделать, но для этого понадобилась новая метла в лице князя Волконского. Опера прошла прекрасно. Приятно было, наконец, услышать свою музыку в большом оркестре и при надлежащей разучке. «Кое-как» частных оперных сцен уже начинало меня удручать. После трех-четырех первых представлений выступил и Ершов и выдвинул собою партию Садка. «Садко» давался с некоторыми купюрами, которые я сам наметил, так как, по мнению моему, они затягивали дело. (Там же, стр. 288—289).

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОПЕРЫ В МОСКВЕ

Первое представление оперы «Садко» на сцене Большого театра в Москве состоялось во вторник 24 октября 1906 г.

Новые декорации к опере по эскизам академика К. А. Коровина:

1-го действия — работы Г. И. Голова,

2-го действия, 1-й картины — работы Н. А. Клодта,

2-го действия, 2-й картины — работы В. С. Внукова,

3-го действия — работы Г. И. Голова,

4-го действия, 1-й и 2-й картины — работы Г. И. Голова,

5-го действия — работы Н. А. Клодта.

Костюмы по рисункам академика К. А. Коровина.

Танцы поставлены балетмейстером А. А. Горским.

Дирижировал В. И. Сук.

В течение сезона 1906—1907 г. опера прошла 14 раз.

Партии в опере в этом сезоне исполняли:

Фома Назарыч — старшина (настоятель новгородский) — Гарденин (14 раз).

Лука Зиновыч — воевода (настоятель новгородский) — Трезвинский (14 раз).

* В сезоне 1900—1901 г.

Садко — гуслар новгородский — Бонавич (10 раз), Барсуков (3 раза), Ершов (1 раз).

Любава Буслаевна — молодая жена его — Азерская (10 раз), Чалеева (4 раза).

Нежата — молодой гуслар из Киева-города — Синицына (8 раз), Тугаринова (6 раз).

Дуда (скоморошина удалой) — Лосский (14 раз).

Сопель (скоморошина удалой) — Успенский (14 раз).

Первая скоморошина — Лилина (6 раз), Данильченко (8 раз).

Вторая скоморошина — Селюк-Рознатовская (7 раз), Павленкова (7 раз).

Первый волх — Говоров (14 раз).

Второй волх — Толчанов (14 раз).

Варяжский гость — Порубиновский (1 раз), Петров (7 раз), Егоров (5 раз), Шаляпин (1 раз).

Индийский гость — Смирнов (10 раз), Богданович (4 раза).

Веденецкий гость — Грызунов (10 раз), Гончаров (4 раза).

Окиян-море — царь морской — Петров (3 раза), Власов (11 раз).

Волхова — царевна прекрасная, его дочь — Нежданова (8 раз), Цыбущенко (6 раз).

Видение — старчище в образе калики переходящего — Фигуров (10 раз), Герасимов (4 раза).

С О Д Е Р Ж А Н И Е

В. ЦУККЕРМАН — Опера-былина «Садко» и ее место в творчестве Римского-Корсакова	7
АЛ. МЕЛИК-ПАШАЕВ — О музыкальном языке «Садко».	15
В. ЛОССКИЙ — К постановке оперы «Садко» на сцене ГАБТ Союза ССР	18
ЛИБРЕТТО	21
Проф. С. В. БАХРУШИН — Господин Великий Новгород	45
Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ — О «Садко» (Составил С. Дмитриев)	50
Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ — О первых постановках «Садко»	54

